

Ноэми Норд

КРОВЬ РАФАЭЛЯ

КРУГ ТВАРЕЙ. КРУГ ВЕДЬМ

Ноэми Норд
Кровь Рафаэля. Круг
Тварей. Круг Ведьм

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19052361

ISBN 9785447487003

Аннотация

XVI век. Сиена. Эпоха Возрождения в путях мракобесия. Система слежки и доносительства работает безотказно. Гении века на пыточных креслах. Молодой талантливый художник, преуспевший в алхимии, становится первостепенным объектом наблюдения инквизиции.

Содержание

I. Круг тварей	5
1. Умри, птицезавр!	5
2. Печать Термигона	14
3. Магдалина, танцующая под дождем	22
4. Сульфур и Меркурий соединив	27
5. Спиногрыз Лауретты	33
6. Змееныш	37
7. Сиенская Венера	44
8. Божественные шлюхи	52
9. Пьем за Содому!	61
10. Город греха	66
11. Десять судей	78
12. <i>Debita animadversione puniendum!</i>	88
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Кровь Рафаэля
Круг Тварей. Круг Ведьм
Ноэми Норд

© Ноэми Норд, 2016

ISBN 978-5-4474-8700-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I. Круг тварей

*«Создав гомункулуса —
создашь бессмертие.
И примешь власть.
И осыпан будешь золотом.
И будет злоба людская
преследовать тебя.
Уйди в невидимый мир.
Погрузись в пустоту.
Не сопротивляйся —
стань пустотой.
Исчезнув, обратись Тьмой,
стань каждой точкой пространства
и каждым знаком в нем».*

*Из манускрипта Великого мага и чародея
Термигона Базельского.*

1. Умри, птицевзавр!

Сиена, март 1543

Из гусяного яйца вывалился студенистый полудохлый эмбрион, приклеенный пуповиной к скорлупе, и остервенело защелкал клювом, пытаясь взлететь на плешивых крыльях.

– Еще один уродец, – прошептал Алессандро. – Умри, птицевзавр. Ты не получил от природы право жить. Умри, как

твои мертворожденные двойники.

Полет эмбриона закончился на дне мусорного ведра, среди рыбьих костей, виноградных косточек и шелухи каштанов.

Алессандрио тяжело вздохнул и задумался.

Не крыльями он пытался наградить свои создания, нет. Крылья – дешевая чепуха и атавизм. Они дарованы узколобым тварям вместо разума. Нет смысла повторять ошибки, создавая неудачную породу ворон или дроздов.

Алессандрио пытался выкристаллизовать из дьявольской пустоты темное существо с пятью крепкими пальцами, способными намертво вкогтиться в плоть этого мира.

Только руки, умеющие сорвать плод, схватить камень, заточить топор и подчинить врага, способны превратить зверя в функцию жизненной безопасности.

Но трансформация оболочек темного разума снова не завершилась. Гомункулус не жаждал встречи с человеком.

Эксперимент не получился. Алессандрио выплеснул в ведро гниль и позвал служанку:

– Виттория!

На зов со двора явилась расторопная девчонка лет пятнадцати с рыжими косами, убранными вензелем на голове.

– Я здесь, сеньор!

– Унеси.

Девушка добавила рвоты в ведро и выскочила во двор. Зажимая пальцами нос, она выплеснула мутную гниль в сточ-

ный желоб. Сотни галок тут же слетелись на пир, и Виттория, осеня широкие плечи размашистым крестом, прошептала:

– Сохрани, Святая Катерина, здоровье молодому сеньору, изгони черную хворь из тела. Добр Алессандрио и незлобив. И живописец знатный. Но заказов мало. Целыми днями растирает зеленую медь, плавит киноварь и сурьму. Дышит ртутью, сера выела грудь. Злой кашель выворачивает ребра наизнанку. Жалко художника. Лишь свежие гусиные яйца могут поправить здоровье сеньора. И вовсе не для волшбы мы скупаем их, как судачат на рынке. Спаси, Катерина, от навета недобрых людей, защити от злого глаза. Избавь от колдовства. Вчера только дюжину свежих яиц купила из-под гусыни, а не без порчи дело – за день стухли!

Виттория подняла глаза на всаженный в ржавые черепицы силуэт базилики Святого Доминика и снова осенилась крестом. Ее расстроила очередная порча продуктов.

Художник частенько посылал ее на рынок. Она была рада услужить, а заодно прогуляться по живописным улочкам, посидеть в тени фонтанов, подсматривая модные фасоны и плетения на воротничках знатных особ.

Все самые свежие новости можно было узнать на рынке. Провинциалы любили потрепать языками. Они съезжались в Сиену с окрестных виноградников, общались с прислугой и всегда были в курсе городских сплетен.

Торговцы прятались от солнца в тени фургонов, заполненных бочонками с форелью и молодым вином. Тут же стояли

корзины, доверху набитые оливками и бутылками с зеленым маслом. Рядом бляели барашки и топорщили перья бойцовые петухи.

На рынке девушку хорошо знали и не зло подшучивали над нерасторопной сиротинкой:

– Ни отца, ни матери у девчонки нет. Мазини приютил, дай бог здоровья, доброму человеку!

– Доброму? Мазини – добрый? Да он за полфунта соли шкуру сдерет, не побрезгует. И девчонку пригрел не из жалости. Скуп. Дармовщиной пользуется. Сиротинка день и ночь работает. А платье на ней то, что сеньоре Пауле уже не в пору. А ведь денег не считано у бакалейщика.

– Не скажи. Зачем тогда постояльца пустили?

– Алессандрио? А ты не знаешь, что с ним вертихвостка Паола крутит? Видали их в нашем винограднике. И не раз.

– Что ж, Мазини – рогач?

– Жена ему голову затуманила. Она ведьма, не иначе. Я про них все знаю. С какого-то лиха Паола вдруг разбогатела, платье лазуритовое справила, сменила железный корсет на китовый ус, купила кобылку мавританскую для скачек. В этом деле не без колдовства. Деньги легко заводятся только у друзей сатаны

– Я смотрю и вижу: приворожен Алессандрио, крепко привязан к ведьме. И много странного за ним наблюдаю. Не ровен час, подкатит черная карета к мастерской.

– Все художники – колдуны и содомиты, надо знать. Диа-

вол знает, что на уме у живописца.

– Верно говоришь. Все художники на один лад.

– Вот и Содома¹ наш, тот, что в Ватикане купола расписывал, учеников приучил пить да кутить. Поэтому оставил после себя лишь голодранцев, а сам разругался с папой римским, и теперь ни одного сиенского живописца к Ватикану близко не подпускают, заказов не дают. Вот молодежь и бедствует.

– Содома пять лет, как преставился, а вам, видимо, сплетничать больше не о ком?

– Преставился то он, преставился, а вроде не совсем. Дьявольщины после него много осталось. До сих пор Сиена мучается от озорства.

– А что случилось?

¹ Содома (итал. Il Sodoma, собственное имя Giovanni Antonio Bazzi, 1477, Верчелли, Пьемонт – 15 февраля 1549, Сиена) – итальянский художник сиенской школы живописи. Вазари описывает Джованни Антонио как «сумасброда». Он считал, что художник не стремился к общению с людьми мудрыми и достойными, но вместо этого «...держал у себя дома всякого рода диковинных зверей: барсуков, белок, обезьян, маргышек, карликовых осликов, лошадей, берберийских призовых рысаков, маленьких лошадок с острова Эльба, соек, карликовых кур, индийских черепах и других подобного же рода животных... Кроме этих всех зверюг был у него ворон, которого он научил говорить, и который часто передразнивал голос Джованни Антонио... Существует мнение, что изначально его семейным именем или прозвищем было «Содона» (иногда он так подписывал картины), которое потом трансформировалось в «Содома» (Джованни Антонио происходил из Пьемонта, и современные исследователи считают, что прозвище «Содома» явилось результатом смешного непонимания слов тосканского диалекта Пьемонта, на котором «su'nduma!» означает «ну, давай, пошли!»)

– Вчера у Фондебранта мы с мужем полоскали пряжу, а сатанинские создания налетели стаей, расселись на ветвях, да как закричат: «Папа Климент жмот и жулик! Папа Климент – мой должник!» Благоверный так и сел. Бросили мы пряжу – да бежать!

– Матьер заступница! А Содома тут при чем?

– Слушай дальше. Стали мы спрашивать и выяснять. А преподобный и говорит: «Дело дьявольское и богомерзкое. После смерти Содомы его говорящий ворон, упорхнул из клетки, нашел подругу и, выведя птенцов, научил по-нашему каркать. Тому, кто гнездо разорит, обещана большая награда». Да только желающих по деревьям лазить не находится. А за колдовство костер полагается, не меньше.

– Кому костер полагается? Ворону, попробуй, поймай!

– А вот и поймаю. Нынче, что вороны, что еретики, все подлежат наказанию. Слыхала я, что в Мантуе осла сожгли за колдовство.

– Осла? Не верю!

– Не веришь? Его обвинили в том, что в полнолуние бил копытом по отражению луны в луже.

– Что в этом колдовского?

– Осел наколдовал засуху и падеж скота.

– Вранье, неразумная тварь на такое не способна.

– Пусть не способна, прок от казни велик. Посмотрит иной еретик на страдания осла и одумается зло творить. Нынче нет разницы: осел ты, вызвавший засуху, или петух,

снесший яйцо. Для святой конгрегации все равны. А ведьм – то нынче развелось! И колдунов! Но определить нечистые дома легко. Где черт – там и деньги. Например, как у бакалейщика Мазини.

– Лучше молчи. Видишь, служанка бакалейщика рядом крутится. Не отваживай покупателя.

– Здорово, красавица, снова гусынь пришла проведать? Выбирай – не стесняйся! Яичница нынче в цене, но не дороже денег.

Пока Виттория вытаскивала яйца из-под шипящих наседок и придиричиво осматривала на свет, торговцы, перемигиваясь, спрашивали:

– Объясни, девушка, почему ходишь каждый день на рынок за яйцами? Вчера забрала дюжину. И сегодня золотом платишь. Для чего художнику понадобились дорогие яйца? За квартиру задолжал, того и гляди останется без крыши над головой, а на яичницу не скуп?

– Он темпера трет. Краску готовит на заказ. Из желтков получается ценная темпера, – объяснила Виттория.

– Золотом платит, не жалеет, а для температуры сойдут любые яйца, не обязательно из-под наседки. Это мы точно знаем. В Сиене каждый пятый – либо художник либо ученик. Но для температуры годятся и куриные желтки.

– Отстань от девчонки, Фрида! – заступился за девушку трактирщик Оливио, пришедший на рынок за партией винных кружек. – И дьявола в каждом не разглядывай.

– А я и про девчонку много знаю. Молодая, а привычная и к волшеббе, и к травам. Ее мать арестовали за колдовство.

– Ой! Сожгли? – перекрестилась торговка омарами.

– Нет, исчезла. А отец скончался в кабаке. Выпил лишнего, свалился под стол. Там и встретил смерть. Паола сиротинке приходится дальней родственницей. Но и с Паолой не без греха. В собор не заманишь. Ни разу там ее не видела. Чую, много тайн скрыто в доме бакалейщика. Вот кем бы следовало заинтересоваться святой конгрегации. Дьявол на то и дьявол. Люди смотрят на него в упор, а не видят.

– Ты о Паоле особо не трепись, – сказал трактирщик. – Она мне сестра. Услышу – не понравится. А ты, Виттория, чего уши развесила? Иди отсюда поскорее. Не слушай сплетен.

Знала бы Виттория, что слухи, оживляющие праздную болтовню, были не беспочвенны, не встревала бы в перепалку с торговками, горячо защищая бедного художника.

Что на самом деле творилось в мастерской, никто не знал. Заглядывать в апартаменты жильца прислуге строго запрещалось.

Она и помыслить не могла, что сгнившие яйца, которые пришлось выбросить в канаву, были не вчерашние, а пролежали целый месяц в навозной куче, мимо которой за день сто раз приходилось пробегать то с пригоревшим горшком, то с корзиной угля.

Ровно месяц назад Алессандрио, впрыснув сквозь зонд

по капле спермы в каждое из гусиных яиц, залепил отверстия в скорлупе расплавом прополиса и бережно обернул златотканью. Потом зарыл сверток в кучу конских яблок от кобылы первородки на заднем дворе дома, где снимал отсыревший цокольный этаж.

Все было исполнено согласно манускрипту черного мага Термигона Базельского, более двухсот лет назад обвиненного в наведении лютой порчи на Базель посредством чернокнижной волшбы.

2. Печать Термигона

Базель, 1356

Великий маг был арестован в 1356 году святой инквизицией, и после немилосердных пыток сожжен, как значилось в приговоре: за «причинение посредством созданных колдовских тварей богопротивных пакостей домашнему скоту и младенцам».

Что это были за твари, никто не помнит, ни один человек их не видел. Но городские легенды с тех пор из века в век передают шепотом и с оглядкой на крест, что мага подвергли немислимым пыткам за богатства, а не за создание месмерических созданий.

Твари, которых он сотворил, были всего лишь магически начертаниями. И питались не кровью младенцев, а халдейской сурьмой, от чего в большом количестве производилось золото.

Поговаривали, что Термигон в образе гомункула скрывал философский камень, который ни одному великому магу так и не довелось открыть.

Легкое золото сгубило колдуна. Его сожгли, а пепел развеяли. Но в его доме золота не нашли. Куда исчезли слитки? Говорят, легкое золото вернулось в Хаос Мудрецов.

Прошло двести лет, но при имени Термигона Базельского

прихожане на всякий случай осенялись крестами.

Замученный маг отомстил тюремщикам, разрушив Базель до основания. Тысячи свидетелей его бесславной кончины заживо были погребены под раскаленными камнями. Остальные, бросив пожитки, бежали прочь, вопя о великой мести колдуна.

Главный дознаватель базельского трибунала, доминиканец Гуго Фальконе, собственноручно отправивший на костер двести еретиков, медленно и долго выводил рулады небесам из горящего каземата. Каменная пасть сомкнулась на его сломанной лодыжке, препятствуя побегу из пылающей темницы. Он медленно жарился на кирпичном полу пыточной камеры, и узникам, прикованным в нижних подвалах, чудился адский голос: «Добавлю жару под пятки! Беги быстрее, проклятый Гуго, к моим сундукам, ха-ха-ха!»

Летопись Базеля навсегда сохранила память о невиданном землетрясении. Половину города стерло с лица земли². Другая половина сбежала от невыносимого смрада от тысяч непогребенных тел.

Черная смерть пустилась вдогонку за беглецами и более пяти лет косила округу.

² Базельское землетрясение – крупнейшее землетрясение в Центральной Европе средних веков, произошло 18 октября 1356 года. Погибло свыше 300 человек. Во Франции и Романдии данное землетрясение получило название по имени Св. Луки («Le Seisme de Saint-Luc»), так как 18 октября французы отмечают праздник евангелиста Луки. По оценкам, сила землетрясения составила 9—10 баллов.

Прошло с тех пор немало, две сотни лет, и бедный студент римской академии художеств, выполняя папский заказ по реставрации античных фресок, нашел на базельских развалинах тайник погибшего Термигона.

Обдирая стамеской размокшую лепнину внутри остова базилики Святого Франциска, художник обнаружил под крошками штукатурки чудом сохранившийся обломок с фреской «а сейко», выполненной рукой великого Джотто.

Это был именно Джотто³, никто иной, его манера, его стиль. Перевернутый кусок стены с изображением пятки святого Иннокентия, как обелиск возвышался над развалинами, и Алессандро попытал счастья в поиске остальных фрагментов. Он процедил крошки сквозь пальцы и вдруг наткнулся на подозрительную пустоту под сморщенным каркасом потолка.

Известка раскрошилась с первого удара киркой. Внутри сверкнули золотые монеты. Они выкатились из упитанных кошельков, наглотававшихся флоринов.

Все двадцать пузанов были проштампованы пентаграммой Сатурна. А в самом дальнем углу тайника (о, чудо!) сохранилась древняя книга.

³ Джотто ди Бондоне или просто Джотто (итал. Giotto di Bondone) (около 1267 – 1337) – итальянский художник и архитектор эпохи Проторенессанса. Одна из ключевых фигур в истории западного искусства. Преодолев византийскую иконописную традицию, стал подлинным основателем итальянской школы живописи, разработал абсолютно новый подход к изображению пространства. Работами Джотто вдохновлялись Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микеланджело.

Алессандро вытащил ее, сдул пыль с обложки, выделанной из шкуры мертворожденного козерога. Заметил сверху печать с заклиятием:

*Умри!
Ангел, демон или человек,
Если сломаешь
Печать Термигона!*

Надо знать, что колдуны, умершие от пыток, на самом деле не покидают место казни. Перенесенные страдания отсекают им путь в Ад. Но и в Рай чернокнижникам дороги нет. Поэтому изгнанники поселяются возле захороненных сокровищ, охраняют свои тайники от воров и при случае жестоко их наказывают.

Грозное предупреждение не остановило Алессандро. Он тут же, не сходя с места, сорвал печать. Развернул пергамент и не скончался на месте.

Зато узнал то, что могло навсегда остаться под землей.

«Лишь мертвая плоть способна создать в пространстве пустоту.

Она болезненная рана.

Помести в рану иную плоть.

Успей за девять дней, пока боль пространства не срослась.

И получишь Существо.

Лишь пустота – невидимый субъект.

*Излучение тьмы длится девять дней после выемки тела
Когда рана начнет стягиваться —
вставь в нее новый плод.*

*Грань бывшего тела совпадет с округлостью скорлупы,
и зародыш заполнит свежей плотью пустоту.*

И сам станет пустотой.

И станет он силой пустоты

И не будет ему равных в мире Сатурна».

Кроме непонятной философии манускрипт изобиловал рисунками странных существ, в стеклянных сосудах. Многие знаки и формулы напоминали древнейшие сатанинские пентакли, в большом количестве обнаруженные в Вест-Индии и Месопотамии.

«Как происходит синтез двух начал?

*Когда женская эссенция соединяется с мужской,
человеческое существо*

*получается хилым и жалостливым, как женщина,
но слепым и буйным от страстей,
как мужчина.*

*Ибо от отца он получает в наследство безумие,
толкающее к бесконечному продолжению рода,
а от матери наследует чары слепого повиновения
этому безумию.*

*В итоге человек настолько слаб,
что не может прожить без очага, источника тепла
и неги, наедине с природой.*

*Ничтожеством неоткуда черпать силу для роста
и рассвета*

*Вот почему его называют теплофаком или человеком,
живущим возле огня.*

Гомункул же противоестественен природе теплофака.

*Его суть не приемлет женских чар,
материя подчинения ему чужда.*

*Он зарождается от слияния двух мужских половин,
век его равен вечности,*

а силы равны резонансу безумных страстей.

*Сперматозоид, слившись со сперматозоидом,
будет мал и невзрачен на вид,*

*но его мужские качества разовьются с непомерным
великолепием.*

*Гомункулы сильны, умны, выносливы и агрессивны,
как сама природа, создавшая мир победителей.*

*Не просто слить память двух страданий,
даря пустоте вселенной, пять новых радостей,
пять органов чувств, осязающих земную твердь...»*

Издавна известные маги пытались создать существо искусственной природы. Считалось, что неестественному свойственно неестественное, а именно неестественное – есть бессмертие и идеальный минерал.

Алессандрио, как любой художник, был знаком с азами алхимии. Без королевы наук не добудешь ультрамарина. Ухищрения с позолотой тоже на грани чудес.

Более всех из художников в алхимии преуспел великий

Леонардо. Известны его удачи в создании гомункулов.

Художника преследовала святая конгрегация. Приходилось работать тайно. Лишь избранные могли порадоваться удачам. Наброски Леонардо и его учеников запечатлели созданных тварей.

Эскиз «Леды» намекают о пяти младенцах, вылупившихся из яиц. Сколь долго прожили детеныши у Леонардо – неизвестно. Но «Леда» – подсказка. Яйца для гомункулов должны быть именно гусиные. Ни в коем случае не индюшачьи. И тем более не куриные.

Некоторые рисунки Термигона повторяли сюжет Леонардо да Винчи. Они совпадали в главном, потому что художнику сюжет «Леды» подсказал ни кто иной, а Термигон. А Термигону – кто-то более осведомленный и причастный к древней волшебнице.

«Сделай то, к чему стремится каждая тварь:

соединив две половинки чувств,

сотвори новое существо.

И назови его гомункулом.

И напои своей кровью.

И будет оно принадлежать лишь тебе,

и будет тебе одному служить,

и за тебя умрет.

И станет он человеком, созданным искусственным путем.

Но с растоптанным достоинством родиться таким,

как все».

Тайна двухсотлетнего манускрипта обрадовала художника более, чем найденное золото, которым он тут же расплатился с прижимистым хозяином, продлив аренду на год вперед.

3. Магдалина, танцующая под дождем

У толстяка Мазини челюсть отвисла, когда постоялец швырнул на стол увесистый кошелек.

В последнее время Алессандрио не ладил с хозяином. И дело было не только в долгах. Жена бакалейщика, молодая и быстроглазая Паола, слишком часто попадалась на глаза молодому постояльцу. Он заставлял их вместе и на заднем дворе, и в лавке, и даже в конюшне.

– Двор тесен, – смеясь, объясняла жена.

То, что не заметил муж, подсказали услужливые товарки, и Мазини пришлось заточить рога.

– Убирайся к чертям! – прорычал он обнаглевшему жильцу. – Прижился, нищеврод, под крылышком моей супруги? Знай, что я не подаю убогим и дверь от францисканцев запираю на три замка! Прочь, не позорь мой бизнес! И не ползай глазами по задку ненаглядной моей женошкы! Она добрая, да! Но доброта ее, как песок в часах, переполняя бедра, опустошает мозги. Люди правду говорят: не впускай в овчарню волка – ягнят уведет! Не заплатишь долг – съедешь!

– Съехать просто, – ласкаясь, уговаривала мужа Паола. – Да только вместе с постояльцем съедут и долги. А паталь сейчас в цене. К лету пойдут заказы. Алессандрио расплатится. Мазини рычал, рвал остатки волос, но терпел.

– Надеюсь, краскотер скоро сдохнет, – объяснял он лю-

бопытным. – Вчера видел: жизни в нем почти не осталось. Не до Паолы ему. Прокашляться не может. Скоро съедет.

Когда постоялец швырнул на стол увесистый кошелек, у бакалейщика даже челюсть отвисла. Флорины были новенькие, все как один с казначейской чеканкой.

Больше всего Мазини заинтересовался печатью на кошельке. Всем известный «Дракон, пожирающий хвост», понятно – любимый знак алхимиков, а вот надпись по хребту довела Мазини до неумной дрожи.

Сквозь увеличительное стекло он прочитал: «Умри ангел, демон или человек, если сломаешь печать Термигона».

Бакалейщик заподозрил происки нечистого. А раз так, то Марко Мазини, как примерный прихожанин и образцовый семьянин, обязан (а хоть бы и с вилами в руках!), но заступить дорогу врагу рода человеческого.

– Прочь, Сатана от доверчивых душ! Уйди от родного очага!

Бакалейщик начал наблюдать за мастерской. Он следил за постояльцем осторожно, издали, как опытный охотник на куропаток, стараясь не вспугнуть дичь раньше срока.

Алессандрио заметил, что лицо бакалейщика в последнее время подолгу некстати месит окно, выходящее на задний двор, но это его мало смущало.

Толстяк, как все добропорядочные сиенцы, после обеда не мог обойтись без увесистой кружки легкого пива с копченым угрем или омаром. А после выпивки, известно, слад-

кий сон не во вред голове. Поэтому Алессандрио беспрепятственно пользовался дарами хозяйской конюшни.

Горячая и щедрая на ласки Паола стала первой женщиной Алессандрио.

Поговаривали, что трактирщик слишком рано сбыл свою дочь ревнивцу с увесистыми кулаками, наказывая «за перец в женском месте».

Изящной грациозной сеньоре достался в мужья обрюзгший боров. Но верховодила в семье Паола.

– Мазини только с виду монстр. На самом деле он тряпка, – говорила Паола о супруге. Ее бойкий язычок не уставал жалить борова-мужа, безмятежно похрапывающего под балдахин с издерганными золотыми кистями.

Любовники встречались у Фонтebrана, куда Паола водила купать свою пегую кобылку после выгула.

Она поливала на взмыленный круп лошади ледяную струю и, взбадривая легкими шлепками, процеживала длинный ворс между пальцев. На мокром бархате боков оставались нарисованные замысловатые знаки. Лошадка храпела от удовольствия, покусывая парными губами локти и голую шею хозяйки.

«Учись у моей кобылки, мальчишка», – смеялась Паола, и он, как ни странно, во время любовных утех проделывал то же, чем ее распяляла кобыла.

Они уединялись в густом винограднике возле часовни Девы Марии или на развалинах бывших античных бань,

сплошь увитых плющом и шиповником. Любовница подбрасывала свой темно-синий бархатный берет, и тот послушно застревал в ветвях, покачиваясь, пока длилась встреча.

Алессандрио нравились терпкие губы ненасытной подружки, успевающие за скоротечные мгновенья навестить все потаенные уголки истомленного тела. Металлический конус платья Паолы приподнимался, открывая неопишуемые прелести шелковых кружевных подвязок и лент.

Кудрявый дым волос и веселые солнечные глаза вдохновили молодого художника написать «Магдалину, танцующую под дождем».

Мастер Содома прослезился:

– Bravo, Алессандрио! В этой картине по мастерству ты превзошел каждого из нас. Расти, сынок, скоро я представлю тебя Папе. Хотя он и не Лев IX, и тем более не Пий II (эх, ушла шальная молодость!), но Павел III – тоже наш человек и талант оценит. Даст хорошую работу. Дел в Ватикане после недавнего нападения испанцев невпроворот.

Риччо⁴, жених Амадеи, дочери Содомы, посмеялся:

– «Мокрая Магдалина»? Нет! Куртизанка, до неприличия облизанная дождем, и, кстати, известная потаскуха. Я вижу каждый мокрый волосок ее ненасытного лона. Спрячь, спрячь, иначе не продашь.

Когда Содома скоростижно скончался, ученики перессорились, дело кончилось поединком на шпагах. Обещание

⁴ Бартоломео Нерони

мастера осталось невыполненным. Судьба злодейка приговорила талант Алессандрио к забвению.

Невостребованные полотна пылились, как тряпки. О новом гении никто в Ватикане так и не узнал. А доказать бездарность обласканных фортуной живописцев он мог лишь своей работой.

Счастливчик Риччо успел жениться на Амадее, и Алессандрио остался без необходимых рекомендаций и без средств.

«Танцующей Магдалиной» он прикрывал на ночь окно, чтобы зимой не сдувало стопку эскизов со стола. Мало кто из забредших на задний двор по нужде мог оценить разметавшиеся в свободном полете крылья и волоски промокшей Магдалины.

Однажды Алессандрио заметил, что захмелевший бакалейщик втайне дронит на «Танцующую Магдалину». А потом услышал хихиканье за спиной: «А ведь Магдалина – все не Магдалина, а моя законная Паола в молодости. Платье убрано точь-в-точь, как в позапрошлом году, когда ливень с градом помешал Яблочному Пирогу дотянуть до финала. А ведь мог, жеребец, стать хотя бы четвертым!»

4. Сульфур и Меркурий соединив

Алессандро истратил найденное золото на обустройство тайной алхимической лаборатории. А для этого стоило потрудиться. Стены до потолка оборудовал полками, на которые аккуратно разложил наборы великолепных реторт, мензурок, точнейших аптекарских весов и разнокалиберных стеклянных и медных трубок. Не поскупился даже на астролябию, подзорную трубу, приборы для магнетизма, тигли в форме креста, охладитель пара и сборщик конденсата.

Перегонному пеликану, которого он за кошель флоринов выкупил у беглого мавра, было тысяча лет, не меньше. Но именно такой требовался по схемам Термигона для Великого Делания.

Собранные фолианты по магии и алхимии могли составить честь университетской библиотеке. На полках красовался «Гептамерон» Петра де Аано, «Гоетия» Реджинальда Скотта, три книги «Оккультной Философии» Корнелия Агриппы, список «Арс Альмадель» и множество других.

В последнее время ценнейшие манускрипты от Гермеса до Зосимы Панаполитанского, легко можно было скупить в еврейских караванах беженцев из Испании.

Украшением мастерской стали две алхимические плавильные печи, одна из которых топилась исключительно оливковым маслом, а другая дровами. Уголь недостоин ка-

саться атаноров, а замазаны они должны быть лишь печатью Гермеса. Алессандрио своими руками выложил мощные плавильни, любовно, как бедра статуи, отшлифовал их покатые бока.

Особой гордостью начинающего алхимика были неисчислимые запасы минералов. Камни и руда щедро поставлялись вельможами в обмен на сусаль и пастельные краски для росписи вилл.

Алессандрио любил камни. Но ценные самородки он не спешил огранить. Неотшлифованные и грубые кристаллы таят в философском хаосе бездну перемен.

Во вместительных ларях томились в ожидании трансформации алые на сколе куски драконьей крови, антимониума и красного льва, игольчатые кристаллы свинцового блеска, прозрачные иглы ядовитого реальгара и пышущего магмой аурипигмента.

В манускрипте Термигона обнаружилось множество засекреченных терминов. Маги скрывали удачи не только от людского глаза, но и от самого дьявола. Древние трактаты о философском камне или гомункулусах недоступны миру простых людей.

Художник удивился, что легко расшифровал секретные записи великого Термигона.

*«Сульфур и Меркурий, брачно соединив,
получи гермафродита,*

он ребис, эликсир всего.

Чтобы обрести Золотое Руно,

убей зловонного дракона.

Струпья и грязь – его примета.

*Лишь только разглядишь субстанцию Зерцала в нем,
знай, воссияет разом*

Луна, и Фэтон, и Меркурий.

И сделай так:

Из Хаоса Мудрецов избери девять камней.

Из них – четыре.

Создай кристалл главенства.

И раствори Царя в витриоле Адептов».

Бакалейщик ни за что не догадался бы, чем занимается в подвале полунищий художник. На все вопросы Алессандро отвечал: «Я растираю краски».

В один из дней, когда Алессандро отлучился прикупить аурихальцита для «стреноживания пожирающего хвост», толстяк тайно влез в мастерскую и, сняв с полки толстенный фолиант, прочитал:

«Он есть чешуйчатый дракон,

Ядовитый змей,

И он же любимая дочь Сатурна.

Сорви лохмотья, раздолби и растолки —

И тогда увидишь свет его совершенства».

«Ба! – присвистнул он. – Алхимия! А жилец-то не глуп.

Надо предупредить Совет Десяти. Городская управа запретит на пиротехнику и опасные вещества. Алхимик он или сам сатана, пусть катится подальше от прелестей моей славной жenuшки».

В Совете Десяти посмеялись над ревнивцем:

– Ступай, Мазини, по делам. Не препятствуй малярным работам на вилле маршала Строцци.

– И не жалуйся на зловонье. Благо, серный дух на пользу оливам, да и крыс отгоняет.

– Но ведьмачество вне закона!

– А в чем ты видишь ведьмачество? В паре установленных атаноров? Алессандрио варит вермильон. И, кстати, отменного качества.

– Если бы только вермильон! Краскотер хранит черные книги. В немалом количестве скупает их у беглых морранов.

– Ступай, Мазини, выясни, для чего нужны черные книги художнику. Уж не для растопки ли тиглей? Краскотер знает лучше тебя, как выплавляется отличный вермильон или паталь. Так что, иди, Мазини, торгуй сладостями, и не жадничай. А то много жалоб на тебя поступает. Народ обижается, что бакалейщик несговорчив, упрям и в долг даже полфунта соли не даст по нужде. А хлеб твой нередко черств, и лавка после заката на замке. Гляди, конкурентов у тебя много, а бизнес не любит жалобщиков, хотя и жена у тебя красавица.

Паола, вездесущий тролль, раньше мужа побывала в ма-

стерской на нижнем этаже и давно оповестила горожан о том, что варится по ночам в в печах постояльца:

– Алессандрио не колдун. Он краскотер. Паталь и мусивное золото для шкатулок нынче нарасхват. Но дороже золота ультрамарин. Добывать его – адский труд. Заказчики не ждут, и красавчику приходится работать по ночам. А чтобы добыть вермильон, нужно сутками вываривать ртуть, серу и кадмий. Красные пигменты тоже в цене. А еще Алессандрио квасит в голубином помете свинцовые пластины и процеживает из дерьма (фу, фу, фу!), греческие белила, никому их не советую брать.

Из-за перегона сернистого ангидрида даже зимний ветер не мог смести со двора страшную вонь, и Марко Мазини, которого по ночам преследовал дух жженой серы, возненавидел художника.

Однажды он ворвался в мастерскую и выбросил на улицу массивный сундук краскотера. Тот покатился вниз по улице, дымя серой и угольной пылью.

Не к добру выскочила крошка Паола, тряся папильотками, раскричалась так, что полгорода сбежалось на шум.

Примчался в повозке даже сам Содома со сворой учеников, пропахших индейскими травами. Они притащили с собой распятие в человеческий рост и принялись примерять его Мазини:

– А не сгодишься ли ты, бакалейщик, для натуры? Уважь папского живописца!

От озорства Содомы в городе уже настрадался не один трактирщик. Пришлось Мазини, хлопнув дверью, в сердцах пробурчать хохочущей жене:

– Делай, Паола, что знаешь, но с этих пор торгуй на своей половине, а я в стороне.

– Полно ругаться, – ответила довольная супруга. – Алесандрио – гений и со временем обойдет мастера Содому на полкорпуса в забег, это точно.

– Уж слишком затянулось ученичество. Надеюсь, завтра гений заплатит и за аренду, и за порчу воздуха под окном.

– Да полно! Поговаривают, что Алессандрио ни кто иной, как внебрачный сын благородного Содомы. Осталось только оформить бумаги.

– А хоть бы и сын! В моем бюджете это ничего не изменит. Содома сам на мели, вчерашние скачки продул, – бакалейщик зевнул, почесывая под мышками. – А ты, заступница нищевродов, пошла в постель!

5. Спиногрыз Лауретты

История рождения Алессандро каждому сиенцу успела наскучить, как заезженный анекдот. Едва на горизонте показывалась роскошная грудь и крутые бедра известной потаскушки Лауретты, лица мужчин непроизвольно расплывались от приятных воспоминаний, а женщины грозно хмурили брови и сверкали глазами, ища под ногами булыжник потяжелей.

Проиграв отчий дом на скачках, Лауретта пошла по рукам таких же, как сама, легкомысленных кавалеров из свиты Содомы. Юнцы, как на подбор, блистали талантами, гордились дорогими заказами.

Соблазнительные формы Лауретты украсили банные и спальные комнаты богатых вилл и домов. Заказы на обольстительную «Мадонну Шлюху» росли.

Ученики Содомы любили грудастую натурщицу.

Хохотушку изображали сидящей то на коленях у Содомы, то у банкира Киджи, а кое-кто дерзнул обрмить шалуню в одном кресле с папой.

По рукам гуляли карикатуры на маршала Строщи, щечкующего бакенбардами выпавшую из корсета роскошную грудь таинственной незнакомки.

Но имя незнакомки никто не спрашивал.

Пирушки продолжались, пока Лауретта неожиданно для

всех не разрешилась мальчиком. Она пыталась подбросить малютку Содоме, но жена маэстро вместе с трио карликовых левреток исполнила такой безумный по содержанию куплет, что несчастная с младенцем на руках тут же обратилась в бегство.

Стареющая Лауретта удалилась в пригород Сиены, и там, в ветхом бунгало на щедрых виноградниках затаилась со своим безродным выродком.

Содома несколько раз навещал малютку, но отцовство не признал: «Вот эта родинка у виска не моя, хотя она и признак гениальности. А взгляд у озорника, моя шалунья, ну точно, как у маршала».

Прошло десять лет, и беззубая карга Лауретта, встретив на скачках Содому, бросила в его лицо рисунки малыша:

– Что же ты, великий живописец, тратишь время на чужих бездарей? А непризнанное дарование, унаследовавшее талант гениального отца, рисует сажей, замешанной на сиротских соплях!

Содома, рассмотрев каракули, густо покраснел, засуетился и украдкой сунул в карман Лауретты увесистый кошелек:

– Бери, шантажистка, хватай, накорми кукушонка! Он не от меня. Но тоже гений.

Потом старый мастер еще долго вздыхал о значке, которую тайно от супруги намеревался поставить на Звездокрыла.

На Звездокрыла поставила сама Лауретта и, кстати, нема-

ло выиграла.

Она сняла угол возле часовни Девы Марии, придела мальчишку, навесила ему на шею бант и отвела к мастеру.

– Безусловный талант! – Содома поддержал уверенность матери в гениальности чада и дал рекомендацию подкидышу для обучения в Риме.

– Только Рим способен воспитать настоящего живописца, – шепнул он на прощание мальчугану. – Езжай в академию, сынок, внимай гениям, не у меня, жалкого подражателя, учись, а у великого Рафаэлло, чью оброненную кисть поднять за честь счел даже папа римский. Туда, сокровище, поспеши, в Рим! Жаль, что ангела Рафаэлло забрал к себе господь раньше положенного срока. Беда, что не увидишь, как рождаются настоящие шедевры. Лишь Рафаэлло Санцио способен затмить творения Творца. Тебе предстоит учиться у мертвеца. Но знай, что гениальность бессмертна.

– К папе римскому послал?! С ума сошел! Не пущу! Нельзя! – кричала и плакала мать.

Но успокоилась, когда Содома прислал ей бочонок превосходного тосканского бордо.

Содома прожил долгую безбедную жизнь и, почив, оставил наследникам усадьбу, заполненную тридцатью ручными барсуками, восемью скаковыми жеребцами, египетским крокодиллом, говорящим вороном и тремя фуриями женского рода.

Он так и не признал Алессандро своим наследником.

Но перед смертью сказал:

– Я знаю, кто был его родным отцом. Нет смысла называть божественное имя, потому что скоро весь мир сам догадается и разразится слезами радости.

6. Змееныш

Алессандрио не верил в демонов, ангелов, суккубов, инкубов и прочую хвостатую нечисть. Но, благодаря найденному манускрипту мага Термигона пытался переиначить злощастную судьбу.

Год назад кулак немочи стиснул хворые легкие, не позволяя вздохнуть. Лишь после откашливания ржавым расплавом художник мог приняться за работу.

Взяв в руки ненавистную ступку и раздолбанный в лепешку пестик, он с утра до ночи, бешено отбивал свой последний марш на тот свет.

«Неужели до конца своих дней я должен дышать ядовитой желчью? – думал он. – И это ради бездарей, называющих себя мастерами, но не умеющих отличить волконскоит от малахита, а уголь от жженой кости? Как не умеет, например, Риччи, любимчик Содомы? Тот самый папский угодник, на которого судьба сыплет щедрые подачки, а кардинал благословляет на мазню».

Алессандрио придирчиво подмечал ошибки набожного соперника и по-настоящему страдал, краснея то за показную бледность мадонны, то за умильный блеск во взоре Святого Иннокентия.

«Мазня! Позапрошлый век! – думал он. – Да и Содома хорош! Заездил талант росписями бань и гостиных. До послед-

него дня штамповал гениальные фрески ради того, чтобы выставить на Палео свежего скакуна. А цена жеребца равна стоимости приличного дома. И разве не отец он мне? Отец, родной отец. Иначе в кого страсть к проклятым полотнам, которые ни песо мне за всю жизнь не принесли? В кого дикая тяга к кистям?»

Алессандрио склонился над столом. Перед ним в корзине, бережно прикрытой золотистой мягкой тканью лежали парные гусиные яйца.

Он был уверен, что в этот раз не ошибся:

– Душа замирает от перемен, и, что странно, от тоски.

Он достал из укладки одно из яиц, проверил на свет, прислушался к писку внутри. Да, пора. Он осторожно ударил по скорлупе ножом.

Из двенадцати яиц только три воплотились в некую живую субстанцию. Одно желе моргало волосатыми глазами, без малейшего намека на костную ткань; другое беспомощно хлопало гнилым крылом по скорлупе...

А вот третье несказанно удивило и порадовало.

Сначала Алессандрио сквозь трещину в скорлупе заметил бусинку любопытного глаза. Гусенок не спешил проклюнуться на свет.

– Ну, покажи себя, уродец! Ты, должно быть, выглядишь не краше братьев. Давай, вылезай, – торопил он, стуча по скорлупе ногтем и немилосердно встряхивая содержимое.

На ладонь выскользнул то ли червь, то ли змей, быстрый

мокрый и ловкий. Его гибкое туловище обвилось запястье, малыш, как удав, сдавил его и посмотрел на человека.

Несколько мгновений они разглядывали друг друга, после чего змееныш решил спрятаться.

Пальцы Алессандрио не удержали скользкое тельце, и гад, свалившись на пол, завертелся в диком танце под ногами. Юлил, извивался, щерил пасть, кусая тень над собой, пока не затих под наброшенным плащом.

– Ух, – вздохнул Алессандрио, смахивая пот со лба. – Попался, подлец. Кто же ты такой? Откуда? А вот сейчас я все узнаю.

Сплюснутый тисками беглец не прекратил попыток освободиться. Художник до предела закрутил последний винт и заглянул незнакомой твари в разверзшеюся пасть.

Роговицы малыша налились кровью, зрачки сузились в две ненавидящие точки над ощеренным рылом. Змей бесильно шипел, приподнимая углы губ над иглами клычков.

Алессандрио показалось, что зубы странного существа напоминают резцы младенца, а внутри желтых глаз пульсируют отнюдь не змеиные зрачки, а теплые и дрожащие, почти человеческие.

«Ни рук, ни крыльев. Это явно не гусенок. Надо быть осторожнее. Змееныш, возможно, ядовит. Кто-то, шутя, сбыл Виттории гадючье яйцо», – подумал художник.

Прихватив гибкое тельце каминными щипцами, он швырнул находку в пустой террариум и придавил сверху крыш-

кой, на которую для надежности положил два кирпича. Змей заюлил спиралью среди ракушек, но успокоившись, затих, невидимый на песчаном дне.

Алессандрио сразу обратил внимание на то, что питомец умеет мастерски менять цвет кожи, сливаясь оттенками то с песчаным дном, то становясь совершенно прозрачным, как стекло его тюрьмы.

Способность хамелеона изменять цвет – ничтожный пу-
стык по сравнению с тем, что малыш проделывал с лучами
света посредством прозрачных чешуек на коже. Он, на ма-
нер хитрой линзы, способен был их улавливать и прелом-
лять, оборачивая тени вспять. Поверхность кожи дорисовы-
вала недостающие фрагменты, скрытые силуэтом.

Стоило поднести к аквариуму канделябр, как тварь со-
вершенно исчезала, изобразив на чешуйках трепет огненных
бликов или раздавленные ракушки под теневой поверхно-
стью тела.

Чем больше света – тем прозрачнее становилось странное
создание.

Алессандрио часто забавлялся игрой с необычным суще-
ством.

Заполучив камелию, брошенную в террариум, змееныш
тут же прорисовывал тонкие жилки растения на чешуе.
Каким-то образом чешуйки со стороны тела, обращенного
к цветку, передавали изображение на освещенную поверх-
ность, делая его невидимым.

– Ты чудо! – говорил с нежностью Алессандрио. – Ты не просто живописец, ты мастер. Вот у кого нужно учиться! А краски какие! Оттенки великолепны. Светотени бесподобны. Что ж ты за дьявол такой?

Но приручить питомца к рукам не получалось.

Стоило приподнять ладонь над краем террариума, как змееныш взволнованно срывался с места, норовя насмерть разбиться об стекло.

«Злопамятный какой», – расстраивался художник.

Пытаясь выяснить пристрастия змееныша, Алессандрио бросал в террариум крошки хлеба, вяленый виноград, сыр, даже мух и жучков, собранных на клумбах. Но питомец не смотрел на угощение, словно решил уморить себя голодом.

– А ведь ты сдохнешь! Чем тебя кормить? – расстраивался художник.

В один из дней змееныш пропал.

Алессандрио ненадолго отлучился, а вернувшись, едва не расплакался от горя, увидев сверкающий, отдраенный от грязи террариум со свежим прокаленным песочком. Пальцы художника процедили каждую мертвую песчинку на дне – пусто!

«Виттория? Неужели? Да, здесь была она», – определил он по обнаруженной вокруг чистоте. Постель была заправлена, подушки взбиты, пол подметен.

Алессандрио взвыл от бешенства.

Что ей надо?

Лезет и лезет, любопытная деревенщина. Выскочил на минутку, а она тут, как тут с половой тряпкой. Даже теньета с потолка успела смахнуть.

До чего несносная девчонка!

Замучила нытьем: «Сеньор, ваша болезнь от грязи и сырости проистекает, позвольте прибрать в комнате. Свежий воздух лечит, честное слово, не будет пыли – и кашель вмиг пройдет!»

Дура, наверно, ждет благодарности. Думает: флоринов насыплю в фартук за труды.

Ну, будут ей флорины!

Долго не отскребет их от задницы!

– Виттория!

– Сеньор, что случилось? – перепуганная девушка вбежала в мастерскую.

– Ты не догадываешься, что натворила? Я запретил прикасаться к моим вещам! – вопил художник, тряся мокрой мочалкой перед носом у девчонки. – Это – твое? Что сделала ты с террариумом?

– Сеньор, клянусь, проверила каждую песчинку, но вашей потерянной запонки в том дерьме не нашла.

Алессандрио приуныл. Иногда возникало чувство, что он потерял что-то очень важное и страшными словами ругал себя за лень.

Нужно было сразу найти на рынке еще несколько таких же яиц. Это легко было сделать. Виттория знала каждого торговца в лицо.

Кто принес на продажу странные яйца?

Из какой провинции прибыл? Есть ли там река или озеро? Что за живность водится в округе?

Вот о чем следовало бы немедленно расспросить продавца.

Но время упущено. И существо, странным образом явившееся на свет, пропало.

На все вопросы негодная девчонка божилась, что яйца, купленные на рынке, были не просто свежие, но и «горячие, как требовал сеньор, видит бог, розовые на свет, не спешила, ни одного не разбила, ни трещинки на них не было, ни пылинки».

Свежесть здесь ни при чем. А вот из-под какой твари они были извлечены – вопрос. Похоже, принадлежали гаду неизвестного вида из неизвестной местности.

7. Сиенская Венера

Декабрьские сквозняки вдруг разом сменились радугой на узорах из венецианского стекла. Солнечные лучи, как жала острых шпаг, пронзили сонное жильё и, сверкая искрами, вызвали закашленный сумрак на поединок.

Но Алессандрио не замечал перемен. Подоспел крупный заказ на муссивное золото для окраски лепнины на вилле Борджиа.

Художник забросил манускрипты и допоздна засиживался над тиглями с серным ангидридом.

Однажды сквозь тяжелый кашель он услышал ангельский голос:

– Сеньор, а сеньор? Выпейте чашку бульона, а? С тмином и базиликом, а еще перчик в нем зелененький и петрушка. Сварила по маминому рецепту, помолилась над ним. Как только выпьете – одышка пройдет.

– Снова ты! Виттория, я же приказал близко к моей комнате не подходить! – Алессандрио, оторвал напряженный взгляд от работы и вдруг зажмурился, словно от яркого света.

Перед ним стояла девушка ослепительной красоты.

– Виттория?! Что сделала ты с волосами? И с глазами? Ты повзрослела! Посвежела. Похорошела. Не могу узнать. Как трепещут ресницы! Ну-ка, ну-ка, иди на свет. Какая ослепи-

тельная кожа! Ты сверкаешь, как морская волна в свете луны. А губы! Девочка наелась пьяной вишни?

– Сеньор, ничего пьяного я не ела. На прошлой неделе простыла, провалялась с болячками, сыпь замучила чесоткой до костей, все тело волдырями изукрасила. Думала, кожа слезет. Но, ничего, поправилась, чего и вам, сеньор, желаю.

– Чудо! – Алессандрио не мог глаз оторвать от девчонки.

Из веснушчатой нерасторопной простушки с грязными каминными совками вместо рук, Виттория превратилась в статную красавицу, вытянулась, расправила плечи. Гордый излом бровей оттенял белизну высокого лба, густая медь солнечным пеклом клубилась над точеной шеей, языками сочного пламени прикрывая плечи и крутизну молодой груди. Глаза манили зеленью непостижимых колдовских глупбин.

Она подошла близко-близко. Дыхание коснулось губ и шеи художника.

Чаша с горячим бульоном обожгла пальцы. Девушка поставила ее на край стола.

– Виттория, – прошептал художник. – Беги из моего дома, беги. Между нами ад.

– Святая Катерина, о, господи, он бредит. Сеньор сам не знает, что нам обоим нужнее всего, – прошептала красавица, распуская шнуровку, стягивающую грудь.

Их руки сплелись. Чаша разбилась, осколки захрустели под ногами.

Утром Алессандрио не мог оторвать глаз от разметавшейся по перинам красавицы. Сначала он сравнил ее с Селеной, потом с Венерой, но понял, что стал свидетелем лучезарного явления новой богини на земле.

«Я был слеп. Столько лет мне прислуживала царица мира, а я на нее лишь покрикивал:

«Не смей заправлять постель! Не тронь холсты! Не врывайся без стука!»

Нет, я не художник. Злой рок прав: я не имею права творить».

Его рука скользнула с груди красавицы вниз к раскаленным бедрам, утекающим, как потоки магмы, под одеяло.

Он сдернул ненужную в этой картине ткань и вдруг заметил, как изменилась его ладонь в ослепительном сиянии женской наготы.

Рука, до костей отравленная ртутью, впитав свежесть девичьего румянца, наполнилась вдруг уверенной силой. Исчезли клубки вен, суковатые пальцы удлинились, растаяли натруженные шишки суставов.

«Что сделала со мной девчонка?» – удивился он.

Заглянув в зеркало, он отшатнулся.

«Не узнаю себя. Не может быть! Глаза горят, как в шестнадцать лет, руки, ноги, сердце наполнены отвагой. Дышу полной грудью. Я снова здоров? Хворь оставила меня? Уползла из тела, как змея от солнечных лучей? Сон! Издеватель-

ский кошмар! Говорят, что воспоминание о лучшей поре жизни дьявол насылает в конце пути. Но я себе не прощу, если не увековечу напоследок пару мгновений ослепительного чуда, залезшего в мою постель. О, Виттория, подожди, не просыпайся, я подарю миру твою божественную красоту».

Алессандрио схватил мольберт, кисть взлетела, и он погрузился в работу.

Как легко и послушно ложились краски!

Штрихи окунались в рассеянный свет, как волны прибоя в расплав зари.

«Я творю! – ликовал художник. – Я снова творю! Я вижу никому не видимую музыку и хоровод теней, и тонкие лучи, играющие на ресницах спящей девы. Поток света, как музыка, стекает в лоно долин со струн великого музыканта. Он играет, и арфа пробуждает лунный мир. Я гениален, да».

Кисть запечатлела плавную выпуклость женского живота, пронизанную веселым огнем камина, и клавишинную музыку нежных позвонков, и томный блеск, воспламенивший сочленения бедер.

Вдруг художнику что-то показалось странным и лишним в образе дремлющей девы. Чужеродная тень блеснула студнем над лобком, резко преломившись в бликах огня.

Он пригляделся и узнал длинное изворотливое тело, округлую голову с желтыми глазами навывкате.

– Змееныш, ты жив! – воскликнул Алессандрио.

Но змей был не один.

Два гибких прозрачных тельца, сплетенные мускулами в одно целое, проступили сквозь млечную кожу возлюбленной.

«Они внутри?» – Алессандрио поднял руку над мраморным животом.

Змееныши, просвечиваясь гибкими телами сквозь кожу девушки, обернули головы и разом ощерились.

Он в ужасе отступил.

«Они в ней. Она зачала тварей!»

Скользкая тень промелькнула на полу, задев Алессандрио по ноге.

Под светильником в бликах пламени извивалась еще одна пара странных прозрачных, как тени, существ.

И с книжных полок донеслось знакомое шипение.

Алессандрио вскочил, дико озираясь по сторонам.

Упали ступки со стола, рассыпались кисти, сверкнула высокой дугой и опрокинулась чаша с сусальным золотом. Невесомая пыль солнечным туманом повисла под потолком, окрашивая золотом холсты, мебель и хлам в углу.

Алессандрио оглянулся. Ему казалось, что стены пришли в движение, и комната зашевелилась, как картонная коробка, доверху наполненная кошмаром.

Существа размножались с бешеной скоростью, словно куда-то спешили. Сначала извивались, накручиваясь сами на себя, и, ненадолго замерев, раздваивались, расползаясь

в разные стороны.

Приглядевшись внимательно, можно было различить нитевидное тельце новорожденного, пока хилого и слабого, но в виде точной копии своего двойника. Он на глазах наливался эманацией, словно черпал ее от сородичей, рос и мощнел, наконец, замирал неподвижно, чтобы произвести на свет точную копию себя. Она сползала с него хилым невзрачным червячком, и все начиналось сначала.

Алессандрио решил поймать хотя бы одного дьяволенка.

Он осторожно снял со спинки стула брошенный фартук, и на цыпочках начал выискивать жертву.

Но змеенышей было такое великое множество, что выбрать какого-то одного не получалось. Они кишели под ногами, проносясь мимо с бешеной скоростью, крутились, кувыркались, шелестели на стенах и потолке.

Алессандрио накинул фартук на клубок тварей, сцепившихся друг с другом в драке.

Они, дико вереща, рванули в разные стороны!

Но ладонь Алессандрио успела прижать к полу одного из них.

Художник почувствовал под тканью гибкое упругое тельце. Острый зуб пронзил ноготь.

Кровь!

Плевать!

Алессандрио не выпустил добычу. Он поднес звереныша к глазам, взгляделся, но не узнал питомца.

Тварь изменилась.

Она уже не была милой любознательной змейкой. Глаза приобрели отчетливый серый стальной оттенок, зубы под приподнятой губой сверкнули ровным рядом алебастровых резцов.

Но более всего Алессандро удивили прозрачные завитки по бокам головы.

Неужели?

Да. Это была точная копия пары изящных ушных раковин. Ничего змеиного не осталось в существе с человеческим лицом. На боках туловища красовались крошечные ручки с пальцами и ноготками, точь-в-точь, как у головастика в момент метаморфоза.

Художник кисло усмехнулся:

– Значит, ты, все-таки, – жаба? Да, земноводное. А грусть в его глазах – игра моего воображения.

Головастик, не сумев освободиться, успокоился, замер под пристальным взглядом человека, посмотрел ему в глаза и вдруг скорчил рожицу, перекосив половину лица.

– Ты передразниваешь меня? – художник нахмурил брови.

Чудовище в ответ сморщило мятый, как печеное яблоко, лоб.

Алессандро зарычал, показывая клыки.

Питомец в точности повторил мимику человека.

– Да кто же ты, в конце концов? – воскликнул Алессан-

дрио. – Неужели?.. Но нет! Никогда тебе не быть мной, а мне тобой. Ты жалкое подобие разумного существа. Тень тени. Хамелеон, притворщик. Ах, чертенок! Снова убежал! А зубы, какие острые!

Алессандрио обмотал чистой тряпкой до крови укушенный палец.

8. Божественные шлюхи

Виттория потянулась, влезла в подобранную под пятками сорочку, затянула корсет, прихватила темно-синей лентой медный туман волос и, чему-то улыбаясь, подошла к окну.

Солнечный луч, проткнувший ставни, воспламенил волосы огненным ореолом над головой. Она оглянулась.

– Смотрите, сеньор, весна! Как свежо и ярко! Не надышусь!

Фигура девушки загородила окно, и в образовавшемся сумраке Алессандро увидел, как жмутся к ее теплым ногам полупрозрачные существа. Но девушка почему-то не замечала их.

Он различил тень маленькой твари даже на плече Виттории. Другой змееныш обернулся вокруг шеи.

Но их девушка тоже не замечала.

– Люблю свежий воздух! – она повернула задвижку на раме, толкнула ставни, и в комнату ворвался изнеженный первой зеленью ветерок.

А вместе с ним громкий крик Паолы:

– Виттория, где ты?! Пора на рынок!

Девушка, наспех сунув ноги в башмаки и накинув одежду, бросилась бежать.

– Чао, сеньор! Хозяйка заждалась, – прокричала она с по-

рога, взбалтывая сквозняк плетеной корзиной.

– Уходишь? А как же «Сиенская Венера»?

– Какая Венера? Потом! Потом!

– Стой! – закричал он.

Но Виттории уже след простыл.

Сквозняк смел стопки бумаги со стола. Некстати опрокинулась чаша с истолченным муссивным золотом, и сверкающий вихрь закружился по комнате.

Невидимые существа стали заметнее.

Просыпанное муссивное золото проявило прозрачные тела. Сусаль обрисовала острые коготки на пальцах и длинные ресницы вокруг глаз. Каждая чешуйка на теле сверкала.

Твари, чихая, терли кулачками засыпанные мордочки и бока, но порошок еще прочнее забивался под кожу. Свежий воздух будил и бодрил. Они поспешно скатывались с пыльных стеллажей, наспех отдирали бока от каминной решетки, вылезали из-под подушек и сундуков.

И все, как один, уставились на голубой ослепительный квадрат в стене.

– Окно распахнуто! – спохватился художник.

Но было поздно.

Змееныши разом рванули на свет.

Алессандрио, остолбенев от ужаса, наблюдал, как многочисленное семейство скачками бросилось к окну.

Тварей манил весенний воздух. Вспрыгнув на подоконник, змееныши расправляли пленки, которые укутывали их

тела. Мягкие прозрачные, как тонкая слизь, перепонки сначала не слушались, но едва обсохнув под лучами, раскрывались крыльями.

Стая золотистых существ, покинув провонявший серой дом, устремилась на свободу.

Алессандрио выглянул из окна.

Двор был пуст. Сточная канава, обрамленная скудной зеленью, бурлящий поток нечистот, куст рододендрона, камни и неприбранная клумба с прошлогодними астрами не обнаруживали никакой живности.

– Они сбежали от меня!

Художник вернулся в комнату. Все в ней было окрашено сусальной пылью. Посуда, рамы в углу, умывальник.

Опрокинутая чаша валялась под столом. В ней осталась щепоть краски.

– Заказчик потребует вернуть задаток. Ну и пусть. Это ерунда по сравнению с тем, что случилось.

А что случилось? Удача навсегда покинула его дом.

Необычная тишина поразила мозг.

Не приснилось. И нимфа, с которой провел ночь, и вездесущие демоны, улетевшие вслед за ней. Все, что у него осталось – едва начатая картина со штрихами ночной гостьи. Этого, пожалуй, слишком мало, чтобы изменить жизнь. Или наоборот, слишком много, чтобы ничего не менять.

Он огляделся. Солнце уже не заглядывало в окно. Краски поблекли, но скомканная постель еще дышала ароматом

сбежавшей нимфы, и складки одеяла сохранили контуры ее безмятежной наготы.

Он провел рукой по смятому одеялу.

Здесь пылали сосцы. А здесь обжигающее лоно потребовало от мужчины бешеного вторжения.

А здесь...

Алессандрио вскочил, бросился к двери, закричал в пустоту двора:

– Виттория!

Ему казалось, что больше никогда ее не увидит.

Богиня покинула его навсегда!

Художник без идеала пуст, как треснувший кувшин.

Да где же она?

Ему не терпелось закончить набросок. Полотно требовало свежих мазков. Кисти плотоядно лизали пустой воздух.

Алессандрио вышел во двор.

Из арки, выходящей на плаццо, донесся шум.

Там хохотала Виттория, стиснутая обручем рук незнакомого кавалера.

Плащ благородного сеньора, укрывший плечи девушки, был скроен из дорогой ткани. Начищенные шпоры, задевая базальт стен, высекали искры и разгоняли рой весенних мух. Виттория, тонко взвизгивала от невидимых прикосновений и, закидывая голову, ловила мраморными клыками пыльные лучи.

«Сиенская Венера»? Чудовище! Ничуть не чище грязной

похотливой шлюхи, рожденной из спермы похотливого старца, – застонал художник, закрыв глаза и ударяясь затылком об стену. – Ты, мерзкая божественная дрянь, образ которой тысячи лет человечество не может выжечь из памяти. Сначала ты являешься и сводишь с ума в юношеских снах, потом приходишь наяву и, скинув юбки, сжигаешь разум пьяными губами. Но когда вдруг навсегда уходишь, – оставляешь черную гниль в костях и сожженное сердце. Дрянь, дрянь, дрянь!»

Виттория откликнулась на стон художника беспечным хототом. Незнакомец поднял девушку на руки.

Она была счастлива с другим. Несомненно. И не в первый раз. И – в который?

«Подлая предательница, – художник заскрипел зубами. – Но почему так скоро? Все дело в бархатном плаще? Или в бесценной амбре, умастившей подмышки и пах господина? Франт – испанец, в этом дело. Короткие штанины, до колен вздуты шарами из-за набитого конского волоса, по ним спущены и вырезаны зеленые полоски с сердечками до самого низа. Несчастливая, твоим ласкам, уверен, мешает противный кружевной испанский воротничок. Хотя, все дело не в воротнике. Убью, сначала соперника, потом тебя, потом растопчу проклятые кружева, а после – хоть костер. О, дрянь! Но почему именно дряни дарят миру магию любви? Доступная женщина сначала жадно дышит твоим дыханием, с восторгом глядит на себя твоими же глазами и доставля-

ет себе удовольствие твоими руками. Но это продолжается недолго. Она обязана быть грязной, как мутный поток, который смывает с тела еще большую грязь и заразу. Любовь, как быстрая река, в которую дважды не войдешь, но вспоминаешь о бурном водовороте всю жизнь. Вот кто божественен, вот кто переворачивает адские сковородки и дергает за струны слез. Богиня должна раздаривать себя каждому встречному, по секунде, по мимолетному взгляду, по улыбке. Иначе она не богиня. Но разве я не счастливец? Мне досталась целая ночь. И я благодарен ей за это. И я убью ее, точно!»

Алессандрио вернулся к себе. Взгляд остановился на клинке.

Богиня?

Богиню, как ветер, не удержать в силках.

Она ничто в его жизни. Ни жена, ни подруга, – дальняя родственница. Приехала на сезон из глуши, да так и осталась у очага, благо не гнали, хотя и не платили.

А богиня ему только приснилась.

Он завыл, как пес, потерявший половину туловища, но выл вполголоса, пока любопытный бакалейщик не забарабанил в дверь:

– Эй, жилец? Чего кричишь? О петле не думай, пока не выступишь долг.

Алессандрио не шевельнулся.

«Стучишь? Стучи, – думал он. – С этого дня здесь обитает одна пустота. Выпитая, брошенная всеми, бесполезная

пустота».

Он попытался восстановить в памяти разрушенную картину.

Не смог. Воображение отказывалось подчиниться страсти.

Он вытащил из заветного тайника манускрипт Термигона, щелкнул золотой застежкой.

– Что такое?

Вместо книги на его руках лежал пласт серой пыли.

Моль источила страницы, крошки трухи тяжело рухнули под ноги, рассыпался в прах кожаный переплет.

– Термигон был прав, – прошептал художник, сдувая с пальцев хрупкую пыль и заматавая остатки пергамента в камин. – Миром правит не страх, а тайна. Бесценный манускрипт истлел в моих руках, несмотря на то, что двести лет пролежал нетронутым в земле. Ни пытки, ни боль, ни страдания толкают колесо истории вперед, а закрытые для человека загадки прошлого. Если на каждого надеть сандалии Гермеса и вручить трезубец Зевса, мир сгорит, исчезнет, как чудесная страна богов. Жизнь утекла между пальцев, как сгнившие строки из манускрипта. Ну, же гори, гори! Пусть никто больше не сотворит ни единого монстра. Гомункулы? Демоны? Невидимые вездесущие твари? Земля и с человеком намучилась. К чему уроды, если миром правит красота?

Пламя жадно вспыхнуло. Воздух наполнился летучим нектаром. За дверью, не удержавшись, расчихался Марко

Мазини.

«Не ушел, гад, притаился, шпион проклятый», – заскрипел зубами художник, накидывая плащ, чтобы улизнуть через задний ход.

Весна?

Отвратительна.

Солнце?

Омерзительно.

– Привет, Алессандрио!

Он вздрогнул. Густое контральто окатило душу радостным чувством. Сзади его грудь обвили уверенные руки, в шею впился коварный поцелуй

– Паола?

– Посмотри-ка на ту парочку в арке. Какой красавчик достался девчонке! Все мы, женщины, падки на случайные ласки в подворотне.

– Паола... замолчи...

– Ты изменился, поправился, глаза горят. Бежим ко мне!

Муж уехал на виноградники, до утра не вернется. Угощу бутылочкой из секретных припасов – не устоишь.

Она улыбалась. Глаза мерцали. Губы тянулись к губам. Пальцы сплелись.

– Что вы со мной вытворяете, божественные шлюхи? – шептал Алессандрио, сходя с ума от блуждающих по телу губ.

Где-то в арке глубоко и восторженно застонала Виттория.

Тело Паолы, утяжелив руки Алессандро, погрузилось в едва просохшую под весенним солнцем клумбу с прошлогодней календулой.

– Алессандро, только ты... Только мы с тобой!

9. Пьем за Содому!

Ранняя весна свела Сиену с ума.

Пьяцца дель Кампо утонула в ночных огнях.

Шутовские танцы, головокружительные сальто, кувырканье по траве, топот хороводов и каролой, то с букетами розмарина, то с факелами, а также бляение козлиных, ослиных и лошадиных масок разрешались отныне с утра и до утра.

Скупердяи – градоначальники, экономящие масло даже на факелах для стражи, вдруг подобрили, выкатив бочку олифы на главную площадь, и больше не чинили препятствий не только шумным полуночным рондо, но и озорному слишком высокому закалыванию подолов веселящихся дам.

Бесперывный шутовской карнавал продолжался третий месяц. Буйное веселье обжигало пятки, дикие чувства переполняли сердца, требуя подвигов и любовных утех.

Рогатые мужья, узнав о супружеской измене, рычали, хватаясь за топоры.

Но, выскочив на улицу и погрузившись в густой замес хмеля и молодых вин, очутившись в круговороте файеров и масок, ревнивцы мгновенно остывали и, выдернув из хоровода какую-нибудь танцовщицу с сумасшедшим блеском в глазах, удалялись с ней к «Источнику Радости» освежиться среди прохладных струй.

Излюбленным местом шумных возлияний стала базили-

ка Святого Доминика, где в капелле хранилась мумифицированная голова Катерины Сиенской⁵.

Тело усопшей Катерины похоронили в римской базилике Санта-Марии, но несколько сиенских смельчаков похитили голову славной землячки и вернули на родину.

Папа негодовал, но наказывать доблестных похитителей за осквернение останков не стал, сочтя желание землячков посмертным распоряжением неуспокоенной души.

«Сиена – город греха, не только по названию, – сказал он. – Дети природы, древние кельты, заложили здесь первые камни. Без варварских традиций не закалилась бы душа Свя-

⁵ Екатерина Сиенская (устар. Катарина Сьенская, итал. Caterina da Siena; урождённая Катерина ди Бенинкаса, итал. Caterina Benincasa; Caterina di Giacomo di Benincasa; 25 марта 1347, Сиена – 29 апреля 1380, Рим) – терциарка доминиканского ордена, итальянская религиозная деятельница и писательница позднего Средневековья, оставившая множество писем и мистическое сочинение «Диалоги о Провидении Божьем». Причислена к лику святых Католической церковью, является одной из самых почитаемых святых женщин в католицизме, признана одной из четырёх женщин-Учителей Церкви. Екатерина Сиенская упразднила слова апостола Павла, запретившего женщинам говорить в церкви. Мощи святой пострадали от средневековой привычки к разделению (за это, в частности, ответственен Раймонд Капуанский), и часть останков была перенесена на родину святой в Сиену, где её голова и палец хранятся в базилике Сан-Доменико. С доставкой её головы из Рима, места её смерти, на родину – в Сиену, связана легенда – будто бы сиенцы, убеждённые в том, что хотя бы часть её мощей необходимо доставить на родину, похитили голову усопшей святой. Они положили её в сумку, и будучи остановленными с целью досмотра римскими стражниками, взмолились святой о помощи (ведь разумеется, она тоже хотела домой). Когда стражники открыли сумку, та оказалась наполненной лепестками роз, а по приезде в Сиену там опять оказалась голова. Катерина Чибо.

той Катерины. Пусть будет, как есть. Аминь».

Незадолго до кончины мученица успела сотворить множество чудес, в том числе вернула изгнанным папам «римский рай». Поэтому все, к чему она прикасалась, считалось святым и незыблемым. А ее город ни разу не попрекнули в несоблюдении приличий. Сиена всегда считалась свободной республикой, неподвластной империи.

И весенние карнавалы не утихали.

– Катерина умерла, заморив себя постами и власяницами, так пусть же после смерти насладится праздником! – кричали заводилы, вышибая пробки из бочонков и подставляя кружки под пенные струи.

– И пусть ее останки надышатся ароматом отменных шипучих вин! Сиенских знаменитых вин!

– А еще ароматом свечей, жареных желудей, горячими плюшками с изюмом!

– И раками под чесночным маринадом!

– Пусть Святая Катерина наслаждается вдоволь новых песен!

– И куплетов озорника Содомы!

– Пусть два великих земляка обнимутся на том свете!

– Пьем! Пьем! Пьем!

– За Святую Катерину, вернувшую папам Рим!

– За величайшего Содому, за великого Рафаэлло! За всех художников на земле!

– За любовь!

– За вечный праздник!

– Виват! Виват! Виват!

– Слава соотечественникам!

– Гей, Гей, веселись! Пей, с огнями закружись!

Днем возле мрачной базилики царила тишина, и каждый камень благоговел от неясной смуты. Но по ночам здесь было особенно шумно и многолюдно. Во все века молодежь обожала пляски на костях.

Вальяжные кавалеры прилюдно целовали взбалмошных подруг, срывали маски с подгулявших сеньорит и под аплодисменты праздной толпы распускали их тугие корсеты.

Даже седые матроны, обремененные многочисленными семействами, ничуть не озабоченные соблюдением приличий, молодели на глазах, пускаясь в пляс под звон кастаньет и дребезжание лютни.

Мартовскую Сиену облюбовали заезжие жонглеры, комедианты и морискьеры. Порадовать Святую Катерину свежими куплетами спешили поэты Венеции и Милана.

На рынке и в трактирах появились лазутчики Святой Инквизиции. Их сразу заметили. Они всегда старались держаться в тени, и сами напоминали тени, мрачные молчаливые надгробья среди веселой толпы.

Люди делились новостями:

– Не к добру перемены. Конгрегация повсюду установила медные ящики, те, что для доносов предназначены.

– Пусть ждут..В Сиене стукачей не водится. Вчера моло-

дые сеньоры надумали выявить соглядатаев и ради озорства сломали ящик, а там – пусто. Нет ябедников у нас. Неслучайно в наш город едут со всех краев и морраны, и мастера оружейники, и банкиры.

– Говорят, доминиканцы выслали к нам тайных соглядатаев. В городе появились незнакомые люди.

– Два дня назад в этой таверне кавалеры обнаружили шпиона. Он обрядился убогим пилигримом и подслушивал разговоры за столами.

– Как его разоблачили?

– Он не пил. А только четки перебирал. Ребята его встрянули, как следует, обнаружили метку конгрегации и вытолкали с криком: «Пошел вон! И передай кардиналу, что в Сиене болтунов нет!» Тот скатился с крыльца, спорить с сеньорами не стал, вмиг пропал, как под землю провалился.

– Лазутчики переписывают иудеев: кто, сколько наторговал и в какой банк вложил. Чую: не к добру. Лучше деньги в банки не вкладывать, а запечатать в кувшины, да закопать в полночь в темном месте.

– Где ж ты в полночь в Сиене тайное место найдешь? Рванется народ сокровища ховать, очередь под каждым кустом образуется.

– И то верно. Пойдешь закапывать кувшин – два откопашешь.

– Эй, Оливио! Еще кувшинчик молодого винца!

10. Город греха

Странные события, происходящие в Сиене, заставили раскошелиться папского казначея. Доминиканцы потребовали расширить полномочия и штат дознания:

– Необходимо внедрить верных людей в каждый богатый дом и банк, а ростовщиков проверить на лояльность. Смута, ползущая с севера, опасна, как чума. Заразу несут морраны. Но более вредны гугеноты. Валенсия и Кастилия уже охвачены либерализмом. Чума перемен охватила Тоскану. Пора принимать меры.

– Сиена богата. Тайные банки разгромленных тамплиеров стали кормушкой реформаторов. Где деньги – там дьявол. Где дьявол – там волшебство. Где колдовство – там срам и блуд. Сиена продана Дьяволу! – шептались тайные осведомители, передавая депеши из рук в руки.

– Продажные девки, упившись пивом и шипучим вином, поклоняются святой голове. По ночам они водят хороводы вокруг базилики, плещут в ладоши и трясут кастаньетами, забыв о высоком сани покойной.

– Поклонение голове не блуд, а грех! Обычай друидов – основа еретических учений катар. На наших глазах в Сиене воскресла вакханалия! Катары возрождены! Крестовый поход неизбежен! Кровь и Огонь – вот что вразумит безбожников.

– Сиена зазналась. Столько лет Ватикан потворствовал шабашу, пора бы его остановить! – шептались сановники святой конгрегации.

– Разгульная жизнь в крови республиканцев. Вытравить блуд будет непросто.

– Блуд, как болезнь, поддается лишь огненному очищению!

– Вспомним сиенского живописца Содому. Полвека назад Юлий II за разврат и прелюбодеяние счел недостойными его работы, препоручив их Микеланджело, а Содому, удалившись в родные пенаты, воистину, устроил, прости Господи, содом. Развратник почил, но благолепие не воцарилось в сердцах. Ватикан обескуражен донесениями о молодежи, распеваящей куплеты кощунца, охальника и осквернителя традиций!

– Душа Сиены взывает об очищении. Вспомним, братья, что город греха, единственный из всех имперских городов, признал папессу Иоанну, установив ей памятник. Ватикан потребовал переделать скульптуру, изменив женский облик на мужской. Но Сиена отказалась!⁶

⁶ «В Сиене изваяние Иоанны стояло до времен папы Климента VIII, который приказал сгладить у статуи груди и слелать на ней надпись: папа Захария. Но так как эта подделка вызвала ядовитую критику и на статую наклеивали оскорбительные для пап пасквили, то папа Александр VII 1655 г. приказал убрать с площади эту статую. В Истории Рима Грегоровиуса удостоверяется, что в 1400 году бюст Иоанны в ряду изображений пап украшал стены в прекрасном соборе в Сиене. Изображение это простояло в этом соборе среди пап 200 лет, с надписью: Иоанн VIII женщина из Англии; при Клименте VIII кардинал Бароний на-

– Неслыханное надругательство над верой!

– Сиена забыла о «Молоте ведьм»!

– Республиканцы, очевидно, ослепли, и не видят, что в двух шагах от виноградников Италии потомки Торквемады уже оборачивают головы на сатанинский шум.

– Сиена снова натравит испанцев на Рим.

– Искореним порок! Прекратим оргии! Разгоним шабаш!

Избавим отроков от лицемерия срама!

В город потянулись охотники на ведьм.

Они стекались к свободной республике непрерывным потоком из уже зачищенных от волшбы Галиции, Лотарингии, Пизы и Тосканы.

Истребители шли широким шагом по выщербленным дорогам, и от мерного лязга ботфортов, пропахших дымом и ладаном аутодафе, содрогался весенний воздух, а певчие малиновки и дрозды в ужасе разлетались прочь из прославленных виноградников Кьянти.

От закопченных плащей несло мочой и солью слез.

Охотников тянули вперед мощные ярчуки. По виду злоб-

стоял на удалении этого изображения, после чего женская фигура обращена была в фигуру папы Захарии». Все эти многочисленные и разнообразные свидетельства историков и летописцев заставляют нас поверить, что на римском папском престоле действительно, когда-то была женщина, хотя это и отрицается современными католиками.[1] Laviecmterie: Les erimes des Papes, стр. 250. [2] Более подробно об этих исторических свидетельствах можно прочесть в книге К. О. Де-Скroxовского «От мрака к свету или папство и современный мир. [3] Сведения почерпнуты из очерка д-ра И. фон-Вергера.

ные псы напоминали церберов. Вывести такого пса нелегко. Лишь первородки от первородных сук, тоже рожденных от первородных же маток, могли распознать нечистый дух. Лишь они чужали ведьму за километр. Лишь они различали ее в толпе.

Глаза и носы ярчуков защищали бронзовые маски, грудь и животы были облачены в кольчуги, чтоб ни одна подлая колдунья не умертвила главных своих обличителей.

Охотников, собравшихся на главной плаццо Флоренции, благословил на подвиги кардинал Караффа⁷:

– «Молот Ведьм!»⁸ – главное руководство охотника. Не каждый из вас грамотен, чтобы прочитать буллу Иннокентия, но каждый – да услышит! Я вложу в ваши уши главные правила охоты. Следуйте им. Ни шагу в сторону жалости или корысти. Жалость в нашем деле – грех. Корысть – предательство. Дьявол не прост. Хитры его слуги. Дьяволица может прикинуться гнилозубой старухой, не способной встать с постели. Но не верь ей!

– Не верь! – повторил хор голосов.

– Хватай – и на цепь!

– На цепь!

⁷ Павел IV (лат. Paulus PP. IV; в миру Джанпьетро Караффа, итал. Giovanni Pietro Caraf (f) a; 28 июня 1476 – 18 августа 1559) – папа римский эпохи Контрреформации, с 23 мая 1555 по 18 августа 1559.

⁸ Молот ведьм» (нем. Hexenhammer, лат. Malleus Mcdeficarum) увидело свет в 1486 г. в городе Шпайер. Его авторами стали два монаха-доминиканца Яков Шпренгер и Хайнрих Крамер (известный также как Генрих Инститорис),

– Ведьма может предстать взору охотника оболыстительной сеньорой в бархатном плаще с опушкой из горносталя. Не называй ее своей госпожой! Не жалеи! Надень на нее цепи!

– Не жалеи! В цепи ее!

– Ведьмы нередко предстают в виде бесстыжих танцовщиц, сверкающих панталонами. Они пляшут и кувыркаются над столами в трактирах. А ляжки так и сверкают, как зубы сатаны! Не смотри на бесовский танец! Хватай за волосы! Гни в дугу! На цепь!

– На цепь!

– Иногда дьявольские создание принимает облик юницы с пядьцами и шелковым клубочком в усердных руках. Не верь кроткому взору и стыдливому румянцу! Намордник на нее!

– Намордник!

– Ведьме легко принять облик матери многочисленного семейства. Не верь даже той, что беспечно гуляет среди маргариток с младенцем на руках. На цепь!

– На цепь их!

– Пусть ни одна из тварей не вырвется из рук истребителей порока. Будем суровы душой!

– Не вырвется! Намордник! На цепь!

Каждый охотник получил индульгенцию, как благословение свыше.

*На шабаш – войной!
Заслон и застава
Воинству Сатаны!
Не дрогнем душой
Охотникам – слава!
Веди, кардинал, в бой!*

В заплечных мешках охотников на ведьм среди хитроумных паутин, силков и острозаточенных кольев ждали своего часа всевозможные ошейники, намордники, шипы и плетки, отягощенные свинцовым грузилом, невидимые ядовитые пилюли и тиски для ног. Более удачливые истребители тащили на плечах арбалеты со множеством метательных болтов.

Больше всего повезло знаменитому тосканцу Марио. Наградные кошельки сыпались на него золотым дождем вместе с личным папским благословением.

Марио не то чтобы чуял ведьму издали. Он стал счастливым обладателем знаменитой кулеврины⁹, которая сама нацеливалась на ведьму.

Правда это или выдумка, но любопытные прибегали за сотни верст посмотреть на удивительное оружие. Марио любил похвастать:

⁹ Кулеврина (от фр. *couleuvre* – «уж» и *couleuvrine* – «змеевидный», что в свою очередь восходит к лат. *colubrinus* – «змеевидный») – огнестрельное оружие, бывшее предком аркебузы, мушкета и лёгкой пушки. (Т. е. кулеврина – предок классического огнестрельного стрелкового оружия. Использовалась с XV по XVIII век как стрелковое или легкое артиллерийское оружие. Переносные кулеврины впоследствии были вытеснены аркебузой.

– Да, кулеврина сама находит ведьму. Но, не потому что в нее вселился дьявол. Фокус в особом порохе. Учувяв его запах, ни одна ведьма не способна устоять на ногах. Обернется кошкой – и наутек. Тут ее и хватай.

На привалах Марио сверял радужный глянец внутри ствола на свет и с мечтательной улыбкой умащал дуло паклей, пропитанной вазелином.

– Эх, люблю дьяволиц щекотать! В этом деле важно успеть до главного дознавателя. Ведьмы – горячие, необъезженные кобылки, огрызаются лишь до первого допроса. Объездить кусачую лошадку – одно удовольствие!

В походе он сдружился с двумя молоденькими близнецами, приставшими к нему на одном из привалов.

Пареньки слушали, разинув рты:

– Правда, что в Сиене все девки рыжие?

– Правда – что все они ведьмы. А ведьма и рыжая – одно и то же. Так что – хватай любую, в темноте все бабы ведьмы.

– Эх, наловлю дюжину ведьмачек, насажу на цепь, отведу главному инквизитору, – размечтался пацан.

– На что копишь?

– Коня хочу и ботфорты, а еще шляпу вот с таким белым пером.

– Будет тебе шляпа.

Возле Марио всегда собиралась толпа охотников, желающих поболтать.

– Поймать, связать и посадить в клетку порождение дья-

вола просто. Гораздо труднее обнаружить ведьму среди сотен похожих на нее товарок. Поэтому не исключены ошибки.

– Ошибки – малый грех. От них даже ангелы небесные не застрахованы.

– Жгите всех подряд. Бог узнает своих.

– Главный пес сказал, что лучше спалить десяток невинных жертв, чем позволить хотя бы одной дьявольской твари ускользнуть.

– Бог – главный судья. Человеку дозволено ошибаться. Небо подпишет последний приговор.

– Среди сожженных девиц, несомненно, попадались и невинные страдалницы, но божий суд не оставит без внимания их жертву, аминь!

– Каждый охотник должен знать точные приметы дьявольской дичи. Во-первых, бородавки и разные родинки на коже. Ткнешь такую шилом – а ничуть не больно, даже кровь не выступит. Тогда хватай злодейку и тащи на суд. Не ошибешься.

– А лучше без суда. Забить на месте дубиной – и делу конец!

– За мертвую кошелек не получишь. Хуже того – самого на цепь посадят.

– А что?

– Как ты суду докажешь, что ведьму грохнул, а не добропорядочную сеньору? Доказательство – это главное. Но не наше дело. Мы только охотимся и выявляем признаки.

Без них – никого пальцем не тронь.

– Что за признаки?

– Главный признак ведьмы – вес. Он должен быть не больше пятидесяти килограммов.

– Пятьдесят килограммов костей? Мы охотимся на мощи? Худышки много вреда не сотворят!

– У дьяволиц, летающих на шабаш, кости пустотелые, как у ворон, иначе ни одна метла не оторвет ее задницу от земли. Ведьмы не едят сливочное масло и презирают соль. Отвращение к обычной еде – тоже признак ведьмы. С виду колдунья может быть упитана, как свиноматка, но костный воздух, как пена Афродиты, держит ее в небе, и не дает утонуть в воде.

– Где весы взять? На мельницу, что ль везти, чертовок, да на крюке отвешивать?

– Вес проверяется водой. Исчадие ада нужно по-хитрому связать за пальцы и в образе такого поплавка швырнуть на глубину. Если утонет – такова, знать судьба невинной души, решенная небесной канцелярией. А если тварь всплывет – готовь, палач, хворост для костра.

– О главной примете не забудь мальцу рассказать: ведьмы никогда не плачут.

– Не плачут? У меня любая тварь зверем запоет.

– Запоет, не запоет. Не вытье в почете, а слезы. Судья вмиг определит, божье создание перед ним, или дьяволь-

ское. Бывало, дознаватель сам в поту умоляет: «Заплачь, подлая, покажи хоть слезинку, докажи, что не ведьма!» Колдуньи на допросах рожи корчат, звуки издают, слезы рисуют на щеках слюнями, а заплакать по-настоящему не могут.

– Как от пыток не заплакать?

– Они плачут после суда, в казематах, но поздно, злую душу очистит лишь костер.

С утра следующего дня охотники шумной толпой ввалились на улицы Сиены. И... пропали.

– Ни один не вернулся из капища греха! – доложили Караффе.

– Где же они?

– Исчезли в кабацких вертепах. Замечены в трактире «Под слоном» в обнимку с пышнотелыми девами среди бочек дьявольского наваждения, именуемого сиенским бордо.

– А где их предводитель Марио?

– Окрученный ведьмами и до безумия отравленный неизвестным зельем, бросился вдруг избивать соратников, поломал много костей.

– Вот как?

Караффа с ужасом в душе выслушал донесение о том, что бесценная кулеврина Марио, влюбившегося в огненно-рыжую распутницу, захлебнулась на дне Фонтана Радости. И это не все. Охотники разбежались, но не от ведьм, а по ведьмам.

Близнецы из Тосканы, мечтавшие взнуздать хотя бы одну колдунью, сами потеряли невинность. Шаловливые девчонки, Бэра и Эба, застегнув на их затылках намордники и оседлав хребты, резвились в кустах розмарина. «Але! – кричали они. – Лошадка, в галоп! Ослик, барьер!»

Неподкупные клыкастые ярчуки, закормленные ребрами с ночных застолий, блаженно похрапывали у ног своих новых хозяек.

На рынке по дешевке распродавались ненужные арбалеты и тесаки.

Там же, в тавернах Сиены, навсегда заблудились остальные папские лазутчики. Быть соглядатаем и ретивым доносчиком, конечно, почетно. Да только надо знать, что мужчины в присутствии настоящих женщин, наконец, становятся настоящими мужчинами.

Лишь один стародавний осведомитель, некий Марко Мазини, испросив высочайшего приема «по имеющему быть недоразумению», был допущен и внимательно выслушан.

Он привез в Рим странную поклажу, запечатанную в дубовый бочонок.

Это было главное доказательство козней дьявола против града Святой Катерины. Отловленного золотистого демона в строжайшей тайне доставили в секретную лабораторию, где тот был тщательно осмотрен, препарирован и приговорен к сожжению.

После торжественной казни Караффа ниспослал святей-

шее благословение на отлов других сподвижников Сатаны, обнаруженных в достославной Сиене.

11. Десять судей

Рим, замок Святого Ангела, 1554

Десять судей, восседающих в полутемном зале святой инквизиции, ожесточенно спорили. Языки свеч кроваво озаряли тонзуры кардиналов.

Больше всех горячился епископ Базилио Соранцо:

– И все-таки мы напрасно сожгли сеньориту Розалию. Снова заявляю: не была она ведьмой!

– Была, брат Базилио, была, – перчатка великого кардинала Караффы тяжело приземлилась на исписанные страницы судебного протокола. – Святые братья не ошибаются. Запомните это.

– Я могу доказать.

– Доказательства заинтересованной стороны излишни. Взгляните. Шестнадцать свидетельниц по делу – куда же больше? Ведьма сама себя выдала. Доказательства налицо. Свидетельские показания зафиксировали неестественность поведения сеньоры. Во-первых, она не устрашилась черной кошки, вскочившей на стол во время застолья. Это не свидетельство благочестия. Ибо, в то время, как о публика в ужасе начала разбегаться, обвиняемая не выразила ни малейших признаков испуга: не закрыла в ужасе лицо руками, не побледнела, и тем более не свалилась в обморок, как многие

присутствующие благочестивые дамы. Напротив, обвиняемая при виде оборотня расхохоталась и, опрокинув очередную кружку, закусила голубиной грудкой из тарелки сеньоры Мелиссины.

– Позвольте заметить, Ваше Высокопреосвященство, что кошка, испортившая званый ужин, принадлежала именно сеньорите Розалии, а не прочим благочестивым дамам. Поэтому дама не испугалась. А показания Мелиссины, главной свидетельницы по делу, есть не что иное, как сведение счетов за растоптанный в давке парик. Казалось бы, в подобных обвинениях предосудительно учитывать: на чью тарелку покусилась обвиняемая. Но в итоге, господа судьи, мы отправили на костер двух невинных созданий: женщину и ее питомца. За что, братья доминиканцы? За естественность, дарованную свыше? Или за хороший аппетит? Известно, что свойство кошек – прыгать по столам. А свойство женщин постоянно что-то жевать, умеренно при этом запивая. Такими их сотворил господь, и обвинять создания в укор создателю мы не вправе.

В зале поднялся гул. Судьи зашипели на отца Базилио:

– Реформатор!

– Предатель!

– Мы давно за тобой наблюдаем, ты плохо кончишь, Базилио Соранцо!

Караффа поднял руку:

– Тихо, братья! Что свершилось – то свершилось.

Но по разумению свыше! Ошибки трибунала не обсуждаются. Ибо их нет.

– Ошибки? – Базилио Соранцо встал в позу. – Но спор не об ошибках, братья. А о правомерности непоправимого. Признайтесь, что соорудить для животного помост рядом с помостом хозяйки, а потом прилюдно заключать пари, споря, чей визг более удовлетворит архангела Михаила, грех не менее чудовищный, чем похищенный бессловесной тварью лакомый кусок с праздничного стола.

– Жестокость не цель, а всего лишь способ достижения цели, – вставил слово доминиканец Гиззо, верная рука и соглядатай Караффы.

Монах был молод, но знаменит из-за невероятного количества разоблаченных ведьм в доверенных ему северных провинциях. Старик Караффа не смог выдержать цепкого взгляда доминиканца, занял пальцы четками и сказал:

– Не надо шума, господа судьи.

Он мог бы сразу прекратить горячий спор. Но почему бы не выслушать обе стороны? Когда одно заблуждение обнажает другое, удастся без пыточного кресла выявить не просто изменника, но тайного иудея или гугенота.

Насчет отца Базилио он не сомневался. Разоблаченный предатель не опасен. Пусть выскажется до конца.

Караффа ценил свой цепкий холодный ум, ненависть к врагам и неподкупное сердце. Он находил служителей Сатаны там, где никто не посмел. Поговаривали, что он вхож

в королевские покои, ведь смута и ересь, как плесень на высоких потолках, в первую очередь атакует дворцы.

Подражая Караффе из лагеря Борджиа, инквизиторы усилили атаку на смуту. Если в Венеции и в Неаполе ведьм топили, согнав в гондолы, то в Пизе и Галиции не обошлось без огонька.

Крики «Жечь!» – в последнее время стали чем-то вроде приветствия в залах тайных доминиканских трибуналов.

– Чем больше дыма взметнется к небесам – тем благодатнее для Творца. *Imperitia pro culpa habetur!* Пусть ненавидят, лишь бы боялись! Вспомним великого Торквемаду.¹⁰ Не за простой костер он ратовал, а за медленное сжигание в железных саркофагах. Их установили на главной площади Мадрида. Многодневные крики еретиков устроили пособников Сатаны. Вот что следует перенять Риму, Генуе, и Венеции.

– Торквемаду в свое время прокляли свои же братья— доминиканцы. Уверяю, ваш пример не из убедительных, – оглянувшись по сторонам отец Базилио, уверенный, в поддержке. – Медленное сжигание в медных быках – ассирийский обычай. Тысячи тысяч невинных детей и женщин поглотил Ваал. Так стоит ли святому братству учиться у дикарей? Или, по вашему, прошлое возвращается в более страшном обли-

¹⁰ * Томас Торквемада (1420—1498) – испанский Великий инквизитор, духовник Изабеллы Кастильской, доминиканский монах, известен массовым уничтожением еретиков и иноверцев, инициатор изгнания мавров и евреев из Испании

чье? – он продекламировал:

*«Приспешников ада полно.
Где Сет и Молох,
там взывает о жажде Геенна
И требуют руки плоти младенцев и дев».*

– Возможно, святой отец посоветует брать пример с гугенотов, которые в качестве пыток используют щекотку? Или даже бессонницу?

Кто-то в зале засмеялся, другие, опустив глаза, тербелили четки.

Базилио Соранцо, снова не найдя поддержки, встал с места, гнев исказил его лицо:

– Братья, всем вам известно, что северные провинции на грани бунта. Повсюду раздаются голоса, что «Молот ведьм» – самая глупая и безнравственная ересь. Позвольте, я зачитаю доводы еретиков, они весьма убедительны: Пора бы нам присоединиться к хору просвещенных умов. Современная теософия и мракобесие несовместимы. Гении эпохи взывают к разуму и великодушию доминиканского ордена.

– Не Агриппу ли Неттестгеймского преподобный Базилио называет гением эпохи? – прервал его Гиззо. – Братья, все мы, разумеется, в достаточной мере ознакомлены с «Речью о превосходстве женского пола», – в зале снова раздались смешки и покашливания. – Также мы знаем, что защитник шлюх вытащил из костра несколько ведьм. На том и спо-

ткнулся. Волшба заразнее чумы. Ни один философ не оспорит невероятную скорость распространения шабашей Сатурна. Народ глуп и доверчив. Женщина берет власть над мужчиной.

– Агриппой сказано: «Женщина – венец творения и прекрасный замысел Создателя, так как после нее он более не создал ничего». Кто смеет возразить очевидному?

– Позвольте заметить, Агриппа кощунствует, – взял слово Гиззо. – Разврат в крови женского пола. Женщина – причина грехопадения первого человека, она скорбная завязь на древе Греха.

– Без грехопадения человеческий род прекратится на радость Дьяволу. В этом пункте уважаемый брат Антонио полностью поддерживает альбигойцев, утверждающих, что размножение – грех.

– Ведьмы опаснее катаров, вальденсов и марранов потому что напрямую связаны с Адом. Да будет им Ад на земле! – не сдавался доминиканец.

– Брат Антонио, как всегда точен и прям, – сказал Караффа, оставив в покое четки.

Отец Лоренцо воскликнул:

– Прямые пути обычно заводят в тупик. Знаете ли вы, братья, что бунтовщики глаголют не только на окраинах, но и в самом Риме? Все ближе к папскому дворцу раздаются возгласы сместить великого инквизитора и распустить святую Конгрегацию? В Ватикан пишутся многочисленные пе-

тиции и воззвания. Немало посыльных перехвачено в пути, сотни жалобщиков не без помощи тайного сыска пропадают без вести. Не ровен час! Вспомните, братья, что случилось в Арагоне в 1485 году. Бунтовщики закололи Педро де Арбуэса. Народ Испании восстал.

Глаза Караффы гневно сверкнули:

– Зато милостью Торквемады и не без помощи «Молота ведьм» Испания с тех пор очищена от еретиков. «Молот ведьм» – подробная инструкция для народных мстителей. Она вдохновляет охотников на подвиги по очистке северных и западных провинций.

– Но методы испанской инквизиции поражают. Дух грязной коптильни уже донесся до Рима.

– Псы господние должны очнуться от сна. И пусть их пробуждением послужит булла Иннокентия VIII.

– Не эта ли булла повинна в опустошении Неаполя? Народ подался в разбойники, засел в лесах. В Каркалоне сожжено 200 женщин. Но каждая ли малолетняя девочка, сожженная рядом с матерью, была колдуньей? Впрочем, поставим вопрос по-другому. Была ли среди двухсот хотя бы одна не колдунья? И не правомочны ли мы задать вопрос по качеству поспешно проведенного дознания? И если такой вопрос возникает, не в праве ли мы его задать Ватикану? Ибо, сжигая на кострах тысячи сограждан, Папа вдохновляет сарацин седлать коней. О чем говорит история? Чем больше костров загоралось в Испании, тем активнее наступали мав-

ры. Враг не дремлет. Адриатика близко. Исламцы тонко чувствуют слабость. Волк охотится на больную овцу.

– Булла – указание свыше. И необсуждаема.

– Позор жечь на кострах красивых женщин по наущению завистниц. К чему приведет истребление красоты? Триста лет Испания выкорчевывала ересь из душ сограждан, а теперь взгляните на испанских донн! Даже при дворе остались одни дурнушки. Плоскогрудие и мужская комплекция введены в моду. Девятилетним девочкам туго бинтуют грудь, чтоб угодить модникам. А почему? Триста лет красивейшие из женщин по оговору соперниц сгорают в кострах, тонут, брошенные в реки. Вместе с женским обаянием мы отсекали от человечества понятия любви и верности. А я вот что скажу: если привлекательны лишь ведьмы, то они лучшее творение господина. А если женские прелести лишены смысла, не стоит ли человечеству уподобиться стаду, где свиньи спариваются не по зову сердца, а исключительно по зову мудей?

В зале снова поднялся шум. Раздались крики:

– Кощунец! Отступник! Еретик!

– Тебя ждет костер, брат, Базилио!

Караффа нахмурился:

– Брат, ты снова цитируешь Агриппу Ниттингеймского.

Но не забудь, что чернокнижник этими же фразами обаял королеву. Он внушил монархине, а заодно ее фрейлине, кстати верной нашей осведомительнице, спесь и гордыню. Но дамы после допроса признались в грехе. Агриппа с по-

зором был изгнан, и встретил смерть в нищете и забвении. Его судьба – напоминание каждому отступнику, что небесное правосудие рано или поздно обрушится на голову богохульника.

– Женское не выше мужского, – снова заговорил Гиззо. – Женщине имя – соблазн. Враг человеческий хитер. Он присылает в наши сны суккубов. Они смазливы и сладострастны. Дьявольским каверзам нет конца. Мир загнивает в руках блудниц. Красота – приманка, скрывающая отраву. Постыдную отраву похоти и греха. Ибо дьявол не случайно наполнил утробы женщин лобковыми вшами и гнойной кровью.

Караффа одобрительно закрыл глаза. «Гиззо, ты далеко пойдешь, – подумал он. – О тебе уже знает папа. Это плохо. Ты молод, Гиззо, а я стар. Слишком стар, чтобы так же неистово взаимно тебя ненавидеть».

Пылкая речь молодого монаха вдохновила противников епископа Базилио. Они зашумели:

– Костер – единственный заступник человечества от блудниц!

– Костры – позор нашей эпохи! – воскликнул в сердцах отец Базилио.

– Костер, брат Базилио, ждет и тебя!

– Перед нами предатель!

– Реформатора – на костер!

– Костер!

– Костер!

– Костер! Ибо нет зрелища величественнее!

– Тише, братья, тише! – снова остановил шум Караффа. – А тебе, брат Базилио, не стоит унижать собратьев, возможно, в чем-то переусердствовавших на поле брани за духовную чистоту. Погибший испанский инквизитор успел преподать Ватикану подвиг веры. Скрепим же, братья, сердца, закроем уши и глаза. Не предадимся жалости. Огнем и мечом возвернем приспешников ада в пламя костра! Откроем ворота республики испанцам. Лишь Святая инквизиция вернет благочестие Сиене, Флоренции и Венеции.

– Откроем ворота!

– Отразим атаку блудниц!

– Огнем и мечом!

– Развеем в прах!

– Аминь.

12. *Debita animadversione puniendum!*

Алессандрио долго вели вниз по сырой винтовой лестнице. Влажные от ледяного сквозняка стены обильно освещали войлочные факелы, от масляной копоти слезились глаза.

Художник закашлялся, сплюнув густую кровь, но тут же получил по лопаткам тыльным концом алебарды.

Процессия по непрерывным анфиладам прошла в просторный куполообразный зал, в котором на ступенчатых возвышениях восседали десять судей.

Среди них было три епископа, два кардинала, остальные кутались в простые доминиканские рясы. Скромность одяния не обличала высокого сана. Братья, дослужившие до кардинальских званий, считали за честь воссесть в судах в латаных монашеских рясах.

Святые отцы ожесточенно спорили, тыча пальцами то в сторону распятия, то опуская глаза к четкам. Все гневно смотрели на епископа. Он с достоинством отбивался от нападков монахов, то и дело, поднимая над головой Библию и крест на груди.

Стражник, сопровождающий художника, взмахнул алебардой:

– Пошел, еретик, не оглядывайся! – и Алессандрио влетел в освещенный круг.

При виде прибывшей процессии братья-доминиканцы

прекратили ожесточенный спор и с любопытством уставились на подсудимого.

– А, вот и подсудимый, ради которого созван высокий трибунал! – воскликнул великий инквизитор.

– Тот самый Алессандрио да Сиена? – удивился отец Базилио.

– Как тот самый? Перед нами не какой-то «Алессандрио да Сиена». Сам Термигон Базельский, сожженный двести лет назад, творец дьявольских созданий, воскрес, представ заново перед Святым трибуналом! Очевидно, черный маг, некогда рассыпавший в прах Базель, соскучился по костру. Или палач был недостаточно искусен? А может, небесная канцелярия что-то перепутала в сроках? Смею уверить, братья, за двести с лишним лет мастера пыток усовершенствовали арсенал, и не позволят нашим потомкам в будущем лицезреть выходцев с того света, – сказал Караффа.

Великий инквизитор восседал на кресле с островерхой спинкой, расписанной сценами ада.

Алессандрио заинтересовался этой картиной. На ней черт с вилами в руках гнал обнаженного грешника на раскаленную сковороду. Живописец одиннадцатого века воплотил идею, как говорят, в глубоком смятении чувств. Морда рогатого дьявола была срисована с Иннокентия УIII, введшего в обиход священный кодекс инквизиции. У адского кулинара были те же резкие черты, настороженные глаза, ущербный подбородок.

Кто автор карикатуры?

Неизвестного художника, возможно, давно сожгли, но от его работ почему-то не избавились. Они стали украшением торжественных мероприятий, судебных канцелярий и усыпальниц высоких сановных персон.

Правду говорят: черт ненавидит черта, а кардинал кардинала. Блюстители ада не узнали себя среди подручных Сатаны.

Воистину, настоящий дьявол может спрятаться от охотников лишь в папском дворце.

– Итак, мастер Алессандрио да Сиена, ты предстал перед лицом Святого Трибунала. Догадался почему? Поведай нам, – приступил к допросу Караффа. – Расскажи. Только нет нужды в истории о том, как в переулке остановился незнакомый фургон, как выскочили из него три мерзавца в масках, повалили, заткнули рот и бросили в тюрьму. Эти подробности нам без тебя известны. Причем, не только из предыдущих допросов. Объясни трибуналу, в чем заключается твоя вина.

– Моя вина? В чем я виноват?

– Нет-нет, не спеши, хорошо обдумай ответ, обрати помыслы к небу и догадайся, почему судьи, оторванные от ежедневных молитв и постов, в сей момент скорбят, обеспокоенные плачевным видом узника, так и не смирившегося со своей жалкой судьбой. И подумай, подумай хорошенько, почему их сердца заходятся от жалости к обманутой дьяволом

душе?

Алессандрио молчал.

– Не молчи, художник. Высокий трибунал желает найти оправдание таланту. И в случае оправдательного приговора, может поспособствовать в росте и в карьере. Духовный суд внимают чистосердечным признаниям. Не бойся, художник. В свое время, доминиканский трибунал благословил талант Леонардо да Винчи.

– Позвольте заметить, Ваше Высокопреосвященство, – вмешался Базилио Соранцо, – что Леонардо да Винчи не только не благословлен, но до конца жизни не оправдан.

– О, да! Гнусные опыты над созданием его химер, парашюта и летательного аппарата для полета на шабаш пополнили папскую коллекцию вздорных изобретений. Художник до самой смерти наблюдался орденом Доминика. Сотни анатомических рисунков, сделанных одержимым художником, могли бы отправить его на костер. Лишь покровительство Франциска I¹¹ препятствовало разоблачению некроманта. Предупрежденный знатными друзьями, бросив богатых заказчиков, он бежал в Милан. Бежал, как преступный вор, как колдун, страшщийся костра!

¹¹ Франциск I (фр. François Ier; 12 сентября 1494 – 31 марта 1547) – король Франции с 1 января 1515 года, сын графа Карла Ангулемского, двоюродного брата короля Людовика XII, и Луизы Савойской. Основатель ангулемской ветви династии Валуа. Его царствование ознаменовано продолжительными войнами с Карлом V Габсбургом и расцветом французского Возрождения. Леонардо да Винчи умер на руках короля.

– Ну-ну, костер и папе римскому вчера приснился. Кто без греха? – сказал Базилио Соранцо.

– Особое благоволение к художникам пап из рода Медичи настораживает. Руками содомитов расписан собор Петра. Рафаэлло Санцио сглазил Юлия II. Сколько раз его заставляли плачущим у ног Сикстинской мадонны. А ведь она списана с известной потаскушки! Художники опасны.

– Медичи всегда благоволили художникам. И не случайно. Где папа – там политика. Большая политика. И умная. Францисканец Юлий II начал потворствовать клану художников после падения Византии. Вспомните, братья, как в 1453 пал Константинополь, а в 1460 – Афины. Прекрасные древние храмы превратились в строительные карьеры, груды камней и щебенки. Но это не остановило турков, и в 1483 они затопили христианской кровью Балканы. И тогда Юлий II, возвысив золотую плеяду во главе с Рафаэлло, восполнил героический дух в сердцах соотечественников посредством искусства.

– Но именно ангельская плеяда обратила взоры христиан в прошлое, к разврату антиков, – возразил Караффа, и в зале снова поднялся шум. – Античные сатурналии – есть вера в Сатану.

– Величие росписей притягивает не только зрение, но и души. Говорите, что сердца живописцев жаждали разврата? Наготу легко подправить. Великий Микеланджело после гневливого замечания папы не погнушался приклеить

фиговый листочек на чресла Адама.

– Гневливого замечания? Папу нередко заставляли, коло-
тящим художника жезлом по бокам, как барана, забредшего
в храм.

– Содомиту по заслугам! В костер бы его! – снова закри-
чали монахи.

– Никто из вас не бросит в огонь ценную грамоту лишь
из-за того, что она слегка замарана в грязи. Ни один из вас!
Так стоит ли обвинять Юлия II, что с помощью грешника
Микеланджело к трем чудесам света он добавил еще три?
Не хулите художника, не оглянувшись на себя. Папская ин-
дальгенция способна простить любой грех.

– Микеланджело, спутавшийся с бандой реформаторов,
не единожды воспользовался папской печатью, чтобы спасти
свои чресла от возмездия. А стоял все же за реформы, тре-
буя отменить индальгенции. Вот почему реформация – одни
слова да подстрекательства к бунту.

Братья доминиканцы снова пустились в горячий спор, со-
вершенно забыв о подсудимом.

– Ах, Рафаэлло! «Святой Рафаэлло» вы говорите? В его
мадоннах я узнаю не деву Марию, не Магдалину, но из-
вестную блудницу, осрамившую веру недостойным поведе-
нием. Рафаэлло был одержим девкой, за которой конгрега-
ция установила наблюдение. Он был хитер. Чтобы спасти
шлюху, от испанских сапог, он изобразил ее в виде Мадон-
ны. Молясь на изображение блудницы, благочестивая дама

сама грешит. Создатель не услышит ее молитву. Художники вводят сограждан в великий обман! Бунтарские подсказки питают надеждой чернь.

Судьи снова включились в ожесточенный спор.

– Рафаэлло, Микеланджело, Леонардо, а также Содома и непочитаемый здесь философ Агриппа, не случайно разом бросились изображать женские прелести и превосходства над мужчинами. «Спасти красоту, спасти мир красотой», – так называла ангельская плеяда свое искусство.

– Искусство антиков, бесовщина и сатурналии – вот флаг золотой плеяды.

– Испания, изобретательница мушкетов и пыточных приборов, гордо шагает по миру, захватывая один бастион за другим, в то время, как Италия, опережающая мировое искусство на пару сотен лет, бессильна противостоять не только испанцам, французам, но и сарацинам. Испанские войска сильны, их воины суровы, их не смущают чувства плоти Алчные самки и длинноволосые инкубы не завлекут суровых мужей с дороги славы в сточные канавы. Постель не для воинов веры.

– Братья Доминика! Вернемся к теме. Мы все, конечно, понимаем, что преподобный Базилио Соранцо не случайно устроил словесную баталию по поводу Рафаэлло и Леонардо.

– Да, братья, не случайно, – сказал отец Базилио. – Разговор зашел об ангельской плеяде, потому что сегодня мы судим художника. Не столь знаменитого и без высоких про-

текций. Но не без дара в душе. Я видел его картины. Они написаны гениальной рукой. Прошу снисхождения к молодости и таланту.

– Вижу, наш подопечный заскучал, – Караффа снова оставил шум и гневливые тирады собратьев. – Итак, продолжим. Мы до сих пор не услышали ни одного слова от подсудимого.

Головы спорщиков повернулись к Алессандрио.

– Алессандрио, ты должен поведать, почему стал причиной распрей между воинством Тьмы и Света, – подсказал один из судей, дребезжа старческим голосом.

– Рассказывай, несчастный, трибунал жаждет раскаяния. Исповедуй грешную душу, ради этого ты доставлен сюда.

– Тсс! – зашипели судьи. – Устав запрещает подсказывать подсудимому.

– Перед нами исповедник, а не обвиняемый.

– Я не нуждаюсь в исповеди, – ответил художник.

– Как? Ты отказываешься раскаяться? – губы великого инквизитора перекосила насмешка.

– В чем моя вина?

– Долгое время наши люди искали зачинщика грядущей войны между добром и злом, между адом и небесами. И, наконец, судьба сжалилась над тщетными усилиями, бросив источник зла к нашим ногам. Ты, Алессандрио, духовное орудие Сатаны.

Стражник швырнул художника в ноги великого инквизи-

тора. Пурпур мантии освежил лоб арестанта, но его губы не прикоснулись к святому одеянию.

– Ваше преосвященство, – воскликнул художник, – всю жизнь я провел в Сиене, лишь несколько раз отлучался в Рим ради изучения техники великих мастеров.

– Ты учился в Риме? Похвально, – сказал отец Базилио. – Традиции – честь итальянской живописи. Рафаэлло Санцио и Микеланджело высоким искусством облагородили христианский мир.

– Вернемся к суду. Подсудимый ждет, – великий инквизитор поднял руку, и яростный спор в зале утих. – Презираю современных мазил, которые толстым слоем золота ретушируют собственную бездарность. Но ты, Алессандрио, здесь не ради выгодного заказа, не обольщайся. Риму достаточно мастеров. Два года обучения так и не добавили ума наивному простофиле из Сиены.

– Для чего я нужен Вашему Преосвященству?

– Не догадался, притворщик? Отрицаешь ли ты совокупление с грехом?

– Не грешен, клянусь!

– А тризну с Сатаной?

– Я чист.

– Современные художники, бывало, частенько используют запрещенные эскизы Леонардо. Мы выявляем преступников. Ответь на первый вопрос. Когда пишешь картины, сам ли ангел божий водит твоей кистью? Нет ли в твоём ма-

стерстве демонических наущений? А главный вопрос: кого еще кроме тебя вооружил Леонардо запрещенными зарисовками? Кто из художников хранит эскизы? Отвечай! Святая конгрегация препятствует изучению трупов даже ради врачебного искусства.

– Леонардо да Винчи великий мастер. Преклоняюсь перед искусством гения. И считаю, что если бы не папа Юлий II, ставший меценатом золотой плеяды, народ Италии никогда бы не научился отличать истинное обаяние от уродства. Он видел бы в каждой красавице ведьму, а в каждой умнице колдунью. Он безжалостно бросил бы в костер и сестру, и мать. Он выжег бы этим костром свое сердце и отправился губить чужих матерей. Так поступают испанцы, их руки способны держать алебарды и мушкеты, все что угодно, но только не итальянский карандаш.

– Bravo! Bravo, художник! – зааплодировал епископ Базилио Соранцо.

– Вот она, ересь! – закричали хором доминиканцы.

– Все художники таковы. Им мало изобразить чью-то рожу или зад, им подавай тайный смысл.

– Тайный смысл прославленных картин один: бунтарство. Вот ты, например, талантлив, но дарование дается вкупе с пороками. Ты, по наблюдениям конгрегации, не в меру похотлив, проводишь много времени среди шлюх, погружен в разврат и пьянство, кроме того ни крупинки не пожертвовал церкви от низвергнутого на тебя золотого водопада.

– Я догадался, кто написал донос.

– В судебной практике известно множество случаев оговора по причине зависти или ревности. Но мы должны среагировать и расследовать каждую клязду.

– Мазини ревнует.

– Здесь не исповедаляня.

– Исповедоваться должен клеветник, а не я.

– Оговор не грех, а заблуждение.

– Я не виновен.

– Служанка, опоившая тебя, оказалась ведьмой. В ее комнате обнаружено множество ядовитых трав.

– Неправда! Заявляю: Виттория не отравительница! Она избавила меня от чахотки, но, разумеется, не колдовством.

– В каморке колдуньи обнаружен альпийский выюнок, растение чрезвычайно редкое и дорогое. Добыть его можно лишь на неприступных альпийских скалах, куда, как известно, дорогу знают лишь наездницы на метле.

– Виттория купила траву на рынке.

– О, нет. Травка эта чрезвычайно дорогая. Герцог Миланский сулил замок с угодьями за единственную щепотку зелья для умирающего сына. Но альпийский выюнок так и не был ему доставлен. Инфант, высокородный отпрыск, скончался. Герцог возглавил охоту на ведьм. Четыреста ведьм он утопил. А причина – недоставленный ему альпийский выюнок. Виттория могла бы стать владелицей замка, она щеголяла бы в парче и шелках, обеспечила бы своих детей богат-

ством и славой. Но ведьма потратила драгоценное лекарство не на дофина. Она вылечила художника, с весьма незначительным талантом, чьих картин никто никогда не купит.

– Значит, я заподозрен в колдовстве? Околдовал, чтобы меня околдовали?

– Если врачеватель втирает в грудь чахоточного дегтярную мазь, а больной все же умирает, это не преступление. Но когда юная девушка подсыпает в бульон драгоценные травы, и укладывается к больному художнику в постель, это выглядит более чем странно.

– Почему странно, если весьма полезно для здоровья?

– Разумеется, не вредно, пока нет умысла. Умысел доктора – обменять бесполезный деготь на золото. Умысел ведьмы – очаровать и обменять душу. Оба грешники, так как держали в руках приманку, завлекая заблудшего агнца в пропасть.

– У Виттории не было умысла. Девчонка упорхнула навсегда из моей мастерской.

– Ты хочешь сказать: упорхнула из твоей холодной постели? Вот как! И в каком же направлении? И с кем? Не с благородным ли господином в бархатном плаще с алмазными шпорами на ботфортах? Далее процитирую слова дамы из хроники допроса: «...Его ладони обожгли до костей, а звездные глаза разогнали муть со дна души. Я увидела другой мир, без копоти в небе» – «Как его звали? – спросил судья. – Быть может, Люцифер?» Ответ ведьмы: – «Люцифер».

– Люцифер!

– Ты его видел? Да или нет? Отвечай. Ответ выдаст лживость или правдивость. Одно лишь могу сказать: Люцифера видел еще кое-кто. Могу ознакомить с протоколом допроса.

– Не нужно. Его диктовали с пыточного кресла.

– Называя ведьму Селеной, Юноной или Венерой, ты со знаешь в соучастии в вакханалии. Эти имена под запретом. Папская булла призывает громить идолов. Дионис с Паном – проклятия сатанизма, который из века в век возрождается в разных обличиях, тревожа честных граждан. Бесы, похищая младенцев, слетаются на шабаш и раздирают на куски нежные тела. Потянув за ниточку, мы раскрыли новый умысел Сатаны – зарождение шабаша новомодных еретиков. Зараза обычно селится там, где другое заболевание уже нанесло глубокие раны. Черная немочь и злобные твари возникли не на пустом месте. Вокруг твоей души с детства начертаны сатанинские знаки. Злые чары пробудили трясину. Хоровод порока увлек на поле Сатаны. Ты согрешил, покайся!

– Разве эксперимент – преступление? Любопытство не есть послушание.

– Замыслы дьявола непостижимы разумом смертных. Но топор в руке убийцы виноват более преступника, потому что явился подсказкой для слабого ума. Тростинкой не расколешь голову жертвы.

– Я никого не убил.

– Ты сам топор в руках Сатаны. Поэтому придется отве-

тить на многие вопросы. Ни меня, ни папу, ни соседку твою, ни служанку избрал погубитель рода человеческого орудием, а тебя. Вопрос лишь в том: почему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.